

Э. А. ВЕРЦИНСКІЙ.

== ГОДЪ == РЕВОЛЮЦІИ.

Воспоминанія офицера генеральнаго
== штаба за 1917-1918 года. ==

Начало революціи. Штабъ 18-го армейскаго корпуса. Штабъ 8-й арміи генерала Корнилова. Командованіе Гвардейской стрѣлковой дивизіей. Служба въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба.

— ТАЛЛИННЪ —
1929.

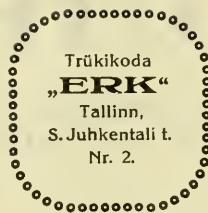
Э. А. ВЕРЦИНСКІЙ.

== ГОДЪ == РЕВОЛЮЦІИ.

Воспоминанія офицера генеральнаго
== штаба за 1917-1918 года. ==

Начало революціи. Штабъ 18-го армейскаго корпуса. Штабъ 8-й арміи генерала Корнилова. Командованіе Гвардейской стрѣлковой дивизіей. Служба въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба.

— Т А Л Л И Н Н Ъ . —
1 9 2 9 .

Посвящается свѣтлой памяти Лейбъ-Гвардіи 1-го
стрѣлковаго Его Величества полка

полковника Владиміра Михайловича
БЫКОВА,

капитана Александра Сергѣевича
КОЛОБОВА

и всѣхъ безвременно погибшихъ гвардейскихъ
стрѣлковъ.

Въ историческіе дни описываемаго времени событія чрезвычайно быстро слѣдовали другъ за другомъ и не всегда находили отраженіе въ официальныхъ документахъ. Нѣкоторыя явленія не успѣвали зафиксироваться на бумагѣ, а много историческихъ матеріаловъ погибло по злой волѣ, небрежности и безпечности, особенно за время гражданской войны. Неполнота матеріаловъ до нѣкоторой степени должна быть восполнена мемуарами частныхъ лицъ, правдиво описывающихъ тѣ событія и переживанія, которыя имъ пришлось лично наблюдать и испытать. Будущему историку мемуары послужатъ серьезнымъ пособіемъ при изученіи многогранной жизни Россіи того времени, и часто лишь въ обрисовкѣ отдѣльными лицами пережитыхъ ими второстепенныхъ явленій можно будетъ найти правильную и возможно исчерпывающую оцѣнку минувшихъ событій. Эти соображенія подвинули меня къ записи моихъ воспоминаній.

Начало революціи.

Въ половинѣ февраля 1917 года состоялось мое назначеніе на должность начальника штаба 18-го армейскаго корпуса. Съ разрѣшенія начальства я воспользовался 3-недѣльнымъ отпускомъ, который намѣревался провести съ семьей въ Петроградѣ, куда и прибылъ примѣрно за недѣлю до революціи.

Въ Петроградѣ шли разговоры о частичныхъ забастовкахъ рабочихъ на заводахъ, о трудности получать жизненные продукты, объ очередахъ за хлѣбомъ, но ничего особенно тревожнаго не ожидалось.

Въ четвергъ, 23 февраля, я былъ у начальника штаба Петроградскаго военнаго округа генераль-лейтенанта Тяжельникова, моего прежняго сослуживца по 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и по Чугуевскому юнкерскому училищу. Цѣлью моего посѣщенія была просьба освободить

изъ-подъ ареста бывшего садовника моихъ родныхъ, арестованнаго за нарушение воспрещенія проѣзда нижнихъ чиновъ въ трамваѣ. Обѣщавъ оказать возможное содѣйствіе моему протезе, генераль Тяжелниковъ во время разговора товарищескаго характера упомянулъ, что онъ службой вообще доволенъ, но только очень устаетъ отъ обилія работы. На мой вопросъ, что его вѣроятно очень обременяютъ вопросы политическаго характера, онъ меня завѣрилъ, что они его нисколько не затрудняютъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣлъ достаточный опытъ, командуя въ Бѣлостокѣ полкомъ во время бывшего тамъ еврейскаго погрома.

Въ пятницу, 24 февраля, вечеромъ я поѣхалъ въ Маріинскій театръ. Сворачивая съ Гороховой на Садовую, я услышалъ въ сторонѣ Невскаго какіе-то крики, которые извозчикъ объяснялъ частичными беспорядками толпы, разгоняемой полиціей. Въ Маріинскомъ театрѣ вмѣсто назначенной къ постановкѣ оперы „Майская ночь“, дали „Каменнаго гостя“, такъ какъ забастовалъ хоръ.

Въ субботу, 25 февраля, около 11 часовъ утра я былъ у 1-го генераль-квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба генераль-маіора Занкевича, съ которымъ мы одновременно командовали полками въ 37-й пѣхотной дивизіи. При мнѣ ему звонила по телефону его мать и сообщила о нападеніи толпы на Выборгской сторонѣ на полицмейстера Выборгской части и серьезномъ раненіи его. Свѣдѣнія она имѣла изъ первоисточника, такъ какъ сестра Занкевича была замужемъ за петроградскимъ градоначальникомъ генераломъ Балкомъ. Генераль Занкевичъ также особенно опаснаго значенія беспорядкамъ не придавалъ.

Возвращаясь пѣшкомъ по Невскому, я былъ свидѣтелемъ небольшихъ выкриковъ толпы, собравшейся противъ Московскаго Купеческаго банка, и наблюдалъ, какъ воинскіе патрули, взявъ винтовки на руку, разгоняли накапливавшіяся кучки противъ Гостиннаго Двора. Мѣропріятіе это носило довольно безобидный и совершенно безплодный характеръ; образовавшіяся кучки въ одномъ мѣстѣ расходились, а въ другомъ вновь собирались.

Вечеромъ, 25 февраля, я поѣхалъ съ женой въ Царское Село на музыкально-танцевальный семейный вечеръ въ запасномъ баталіонѣ лейб-гвардіи 2 стрѣлковаго Царскосельскаго полка, устраивавшійся въ пользу пострадавшихъ отъ войны стрѣлковъ. Общее настроеніе вечера было нѣсколько нарушено тѣмъ, что двѣ роты и учебная команда запаснаго

баталіона были вызваны въ тотъ день въ Колпино, чтобы воспрепятствовать возможности движенія бастующихъ рабочихъ на Царское Село. Все же вечеръ прошелъ очень мило и мы вернулись домой лишь около 6 часовъ утра въ экстренномъ поѣздѣ, заказанномъ для гостей.

Въ воскресенье, 26 февраля, мы около 3 часовъ дня поѣхали изъ Проходящихъ казармъ (уголъ Фонтанки и Гороховой), гдѣ я занималъ казенную квартиру, на Спасскую улицу. Кучеръ присланной за нами кареты былъ очень взволнованъ, говорилъ, что ему съ трудомъ удалось проѣхать черезъ Невскій проспектъ, и боялся, что намъ не проѣхать обратно. На случай какихъ-нибудь задержекъ я велѣлъ ему заявить, что онъ везетъ генерала, пріѣхавшаго съ позиціи. Вскорѣ за Владимірскимъ соборомъ мы переѣхали цѣпь солдатъ, преграждавшихъ Владимірскій проспектъ и видимо получившихъ приказаніе оградить Невскій отъ накопленія толпъ; проѣхавъ Невскій, мы переѣхали такую же цѣпь солдатъ на Литейномъ. Далѣе по Литейному, примѣрно противъ угла улицы Жуковскаго, толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ и подростковъ, бросилась съ панели съ какими-то криками къ каретѣ. Карета остановилась, кучеръ сказалъ кого везетъ, кто-то заглянулъ въ окошко, и карета безпрепятственно продолжала свой путь. Заѣхавъ еще по пути на Кирочную, мы безъ всякихъ дальнѣйшихъ затрудненій достигли мѣста назначенія. Въ отношеніи меня толпа никакой враждебности не проявила и настроеніе ея оставалось для меня не вполне яснымъ. Кучеръ однако былъ настолько перепуганъ, что вечеромъ наотрѣзъ отказался насъ везти домой. Когда около 10 часовъ вечера насъ завезли на Фонтанку въ автомобиль, то улицы были совершенно пусты и всюду царила полная тишина.

Въ понедѣльникъ, 27 февраля, я утромъ отправился по дѣлу на Исаіевскую площадь, затѣмъ былъ въ магазинѣ Александра на Невскомъ, въ Гвардейскомъ экономическомъ обществѣ на Большой Конюшенной и въ Учетномъ Ссудномъ банкѣ на Невскомъ и только во второмъ часу дня вернулся домой. Все было совершенно спокойно; въ Учетномъ банкѣ мнѣ сказали, что отданный наканунѣ приказъ генерала Хабалова о высылкѣ на фронтъ всѣхъ бастующихъ рабочихъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и что настроеніе въ биржевыхъ кругахъ увѣренное и твердое. Только подходя къ дому и переходя черезъ Чернышевъ мостъ, мнѣ показался страннымъ обрывокъ случайно услышаннаго разговора, въ которомъ воз-

бужденно упоминалось о Преображенскомъ полку. Дома меня встрѣтили въ большомъ волненіи. Оказывается уже съ часъ усиленно къ намъ звонили по телефону отъ родныхъ, жившихъ противъ церкви Спасо-Преображенія, гдѣ беспорядки уже шли во всю. Сообщали о томъ, что запасный баталіонъ л.-гвардіи Волынскаго полка, стоявшій въ артиллерійскихъ казармахъ на Басковой, бунтуетъ и вышелъ на улицы, что Преображенскій соборъ обстрѣливается, арсеналь захваченъ, что въ Главномъ артиллерійскомъ управленіи убитъ генераль Забудскій и что зданіе Окружного Суда горитъ.

Во вторникъ, 28 февраля, уже цѣлый день раздавалась ружейная и пулеметная стрѣльба. Въ беспорядки были вовлечены всѣ воинскія части петроградскаго гарнизона. Правительство растерялось. Командующій войсками округа генераль Хабаловъ со штабомъ и остатками вѣрныхъ правительству войскъ укрылся въ зданіи Адмиралтейства. Въ послѣдній моментъ командованіе гвардейскими запасными частями было передано генералу Занкевичу, но время уже было упущено и съ мѣстными войсками нельзя было подавить беспорядковъ. Подъ угрозой обстрѣла Адмиралтейства изъ Петропавловской крѣпости военное командованіе войсками Петроградскаго военнаго округа, вечеромъ 28 февраля, отказалось отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Революція восторжествовала. Государственная Дума, выдѣливъ изъ своей среды Временный Комитетъ, объявила о принятіи на себя управленія страной, и въ городѣ наступило внѣшнее успокоеніе и нѣкоторый порядокъ.

Утромъ 1 марта я поднялся этажомъ выше, чтобы обмѣняться свѣдѣніями о протекающихъ событіяхъ, какъ былъ спѣшно вызванъ къ себѣ внизъ. Оказалось, моего деньщика только что предупредилъ другой стрѣлокъ, что солдаты обходятъ всѣ квартиры и отбираютъ у офицеровъ оружіе. Узнавъ объ этомъ, меня вызвали къ телефону, а вистѣвшую въ передней шашку бросили въ верхній ящикъ одного изъ незакрытыхъ сундуковъ, даже ничѣмъ не прикрывъ ее. Почти вслѣдъ за мной возвращеніемъ раздался энергичный звонокъ и я еле успѣлъ бросить бывший у меня револьверъ въ книжный шкафъ за книги. Кромѣ указаннаго оружія у меня были зашитыя въ рогожу германская и австрійская винтовки, лежавшія довольно открыто въ шкафной.

По открытіи парадной двери въ нее ворвалось человѣкъ 6-7 солдатъ съ заряженными винтовками, во главѣ съ вахтеромъ зданія, державшимъ

въ рукахъ заряженный револьверъ. На предъявленное ко мнѣ требованіе о сдачѣ оружія, я имъ сказалъ, что такового у меня нѣтъ. На выраженное ими удивленіе и явное недовѣріе, я заявилъ, что недавно пріѣхалъ съ фронта, шашку отдалъ въ починку, а револьверъ остался на фронтѣ, такъ какъ я воюю тамъ, а не здѣсь. Къ моимъ объясненіямъ они отнеслись крайне подозрительно и стали дѣлать обыскъ въ квартирѣ, не выпуская изъ рукъ своего заряженнаго оружія и все время слѣдя за мною. Такъ какъ это были все нестроевые, не умѣвшіе обращаться съ оружіемъ, то это дало мнѣ поводъ съ добродушнымъ видомъ дать имъ нѣсколько насмѣшливыхъ практическихъ указаній. Искали они оружіе довольно нелѣпно: въ шкапчикѣ съ бездѣлушками въ гостинной, среди рюмокъ въ буфетѣ, въ бѣльевомъ шкапу жены. Когда они стали осматривать книжный шкапъ, куда я наскоро сунулъ револьверъ, то я отвлекъ ихъ вниманіе, предложивъ открыть ящики письменнаго стола. Въ шкафной комнатѣ, гдѣ въ незапертый сундукъ была брошена шашка и гдѣ лежали зашитые въ рогожу винтовки, ихъ осмотръ къ счастью также былъ довольно поверхностенъ и безрезультатенъ. Выразивъ свое крайнее удивленіе, они съ явнымъ раздраженіемъ отъ неудачи ушли, заявивъ, что придутъ еще разъ, такъ какъ имъ приказано собрать все офицерское оружіе. Въ общемъ они вели себя довольно скромно и, по просьбѣ моей жены, не входили въ дѣтскую. Часа черезъ три пришли ко мнѣ со вторымъ обыскомъ, настаивая на выдачѣ оружія. На сей разъ шашка была спрятана въ печкѣ шкафной комнаты и по инициативѣ деньщика заложена дровами. Ружья мой деньщикъ при содѣйствіи оставшагося при штабѣ стрѣлка вынесъ въ цейхгаузъ штаба. Револьверъ также былъ надежно спрятанъ. Вторая партія искала внимательнѣе, даже заглядывала въ печку, гдѣ находилась шашка, но, увидѣвъ въ ней дрова, дальше не углубилась. Черезъ пару дней въ мое отсутствіе приходили за оружіемъ въ третій разъ и произвели новый обыскъ, тоже безрезультатно.

Начиная съ 1 марта, я ежедневно бывалъ на улицѣ. Первое, что бросалось въ глаза, это стоящіе по всѣмъ направленіямъ автомобили съ лежащими на крыльяхъ солдатами съ навѣшенными черезъ плечо накрестъ пулеметными лентами и наведенными винтовками въ рукахъ. Вообще вооруженіе встрѣчаемыхъ на улицѣ солдатъ было самое разнообразное и иногда представляло изъ себя цѣлый движущійся музей оружія. Почти всѣ были съ красными бантами, встрѣчались одѣтые черезъ

плечо широкія генеральскія Станиславскія или Анненскія ленты. 1 марта еще не меньше половины солдатъ при встрѣчѣ отдавала честь, затѣмъ это замѣтно уменьшалось съ каждымъ днемъ. Одновременно стали солдатами старательно отпускаться и вычесываться изъ-подъ папахъ живописные чубы, и прорвало какое-то всеобщее лушеніе сѣмячекъ; сплеванная подсолнечная шелуха въ изобиліи валялась на всѣхъ улицахъ и общественныхъ мѣстахъ. У часовыхъ свобода очень скоро проявилась въ томъ, что они стали сидѣть, приставивъ винтовку къ стѣнкѣ.

Крайне непріятное впечатлѣніе произвелъ приказъ военного губернатора, члена Государственной Думы и подполковника генеральнаго штаба Энгельгардта, грозившаго всякими репрессіями офицерамъ за якобы отбирание оружія у солдатъ, что совершенно не имѣло мѣста, а было какъ разъ наоборотъ.

Удручающее впечатлѣніе произвелъ выпущенный 1 марта знаменитый приказъ № 1 совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Ясно было, что, если не будутъ сразу приняты противъ Совѣта энергичныя мѣры, то этотъ приказъ будетъ имѣть самое деморализующее вліяніе на армію.

Тяжело было отъ послѣдовавшаго 2 марта отреченія отъ престола Государя Императора за Себя и Наслѣдника и вслѣдъ за тѣмъ отреченіе отъ престола Великаго Князя Михаила Александровича.

Неумнымъ представлялся роспускъ всей полиціи и отрѣшеніе отъ должности всѣхъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, согласно циркулярной телеграммы князя Львова отъ 5 марта, съ передачей ихъ обязанностей предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ. Помню горячіе споры объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, которыя будетъ имѣть приказъ № 1, и о томъ, какъ неумно разрушать все гражданское управленіе страны, смѣняя огульно всѣхъ губернаторовъ. На это мнѣ отвѣчали, что вліяніе приказа № 1 я крайне преувеличиваю, что онъ относится только до города Петрограда, а что касается увольненія губернаторовъ, то такъ полагається по теоріи всѣхъ революцій. Подобная теоретичность взглядовъ была широко распространена.

Наивно прозвучалъ приказъ Керенскаго объ отмѣнѣ смертной казни. Чувствовалось ясно, что твердой власти нѣтъ, и что лѣвыя вліянія берутъ среди Временнаго правительства верхъ.

3-го марта я регистрировался въ канцеляріи петроградскаго общественаго градоначальника на Гороховой, 2, а 6 марта среди страшнаго

хаоса съ трудомъ получилъ въ Собраніи Арміи и Флота удостовѣреніе на право выѣзда въ дѣйствующую армію и на право ношенія при себѣ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Подобныя же удостовѣренія выдавались въ Таврическомъ дворцѣ отъ Предсѣдателя Военной Комиссіи Временнаго Комитета Государственной Думы.

**Помощникъ
Петроградскаго Общественнаго
Градоначальника.**

—оо—

3 марта, 1917 года.
№ 2005.

Петроградъ.
Гороховая, 2—6.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего начальникъ штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи генераль-маіоръ Эдуардъ Александровичъ Верцинскій являлся въ Петроградское Общественное Градоначальство.

Обыску и задержанію не подлежитъ.
Проживаніе въ городѣ разрѣшается.
Дѣйствительно по 1-е апрѣля 1917 года.

Помощникъ Общественнаго
Градоначальника
подписано: Подполковникъ Салинъ.

Военное Министерство.

**Комендантъ
Собранія Арміи и Флота.**

6-го марта, 1917 г.

№ 40552.

Петроградъ.
5 ст.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Выдано сіе отъ Коменданта Собранія Арміи и Флота генераль-маіору Эдуарду Александровичу Верцинскому, начальнику штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи на право ношенія при себѣ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія.

за Коменданта
подписано: А. Юрьевичъ.

Военное Министерство.

**Комендантъ
Собранія Арміи и Флота.**

6-го марта, 1917 г.

№ 724.

Петроградъ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Выдано сіе отъ Коменданта Собранія Арміи и Флота начальнику штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи генераль-маіору Эдуарду Александровичу Верцинскому на право выѣзда въ дѣйствующую армію до 12 с. марта.

Подписано:

За коменданта

штабсъ-капитанъ Поповъ.

Всѣ бланки были печатные, куда лишь вписывались чинъ, должность, фамилія, № и число.

7 марта я встрѣчалъ на Финляндскомъ вокзалѣ эшелонъ плѣнныхъ, возвращавшихся изъ Германіи, въ числѣ которыхъ находился мой тяжело раненый братъ. Крайне непріятное впечатлѣніе я вынесъ отъ привѣтственныхъ рѣчей инвалидамъ со стороны представителя городской думы, какого-то революціоннаго батюшки и какихъ-то лѣвыхъ ораторовъ.

Городъ за это время вѣшше значительно измѣнился. Окружной Судъ, Литовскій замокъ и рядъ полицейскихъ участковъ были сожжены. Всюду висѣли красные флаги. Усиленно отламывались Императорскіе короны и Государственные гербы, въ особенности на вывѣскахъ магазиновъ бывшихъ поставщиковъ лицъ Императорскаго Дома. Полиція исчезла, а взамѣнъ у ночныхъ костровъ грѣлись добровольные милиціонеры, укомплектованные преимущественно студентами, а иногда гимназистами и другими юнцами. Во многихъ мѣстахъ были видны слѣды нуля на стѣнахъ и прострѣленные окна.

Настроеніе общества было разное. Большинство военныхъ было удручено, понимая, что армію не удастся удержать отъ развала и что война проиграна. Вся прогрессивная часть общества въ числѣ кадетовъ и даже отчасти октябристовъ была въ радужно возбужденномъ настроеніи, говорила о безкровной революціи, о поразительномъ порядкѣ, еще не оцѣнивъ надвигающуюся разрушительную силу слѣва. Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ торжествовали и усиленно занимались углубленіемъ революціи.

Штабъ 18-го армейскаго корпуса.

10 марта въ 5 ч. 50 м. дня я выѣхалъ обратно на фронтъ къ своему новому мѣсту назначенія, начальника штаба 18-го армейскаго корпуса, стоявшаго въ Карпатахъ. Въ поѣздѣ на Кіевъ весь коридоръ 1-го класса былъ набитъ солдатами, крайне затруднявшими движеніе вдоль вагона. По выходѣ на одной изъ станцій моего сосѣда по двухмѣстному купе, я посадилъ съ собою своего деньщика, держалъ свое купе все время запертымъ и благополучно избѣгъ насильственного внѣдренія въ купе солдатъ, что въ другихъ отдѣленіяхъ имѣло мѣсто.

Въ Кіевѣ я былъ пріятно пораженъ внѣшней опрятностью солдатъ и отданіемъ ими почти всѣми чести встрѣчнымъ офицерамъ.

Прибывъ въ полночь съ 13 на 14 марта въ Черновицы, я въ 9 ч. утра представился командующему 8 арміей генералу отъ-кавалеріи Каледину, а въ 2 ч. 30 мин. на высланномъ за мною автомобилѣ прибылъ въ селеніе Селетинъ, въ штабъ 18-го армейскаго корпуса, гдѣ представился командиру корпуса генералъ-лейтенанту Заіончковскому.

Подъ вліяніемъ всего пережитаго въ Петроградѣ, я ѣхалъ въ весьма подавленномъ настроеніи духа, предчувствуя неминуемую гибель арміи. Первыя впечатлѣнія на фронтѣ были довольно утѣшительныя; революціонный развалъ арміи сюда еще не докатился и войска въ началѣ внѣшне сохраняли воинскій видъ.

Однако въ корпусѣ вскорѣ стали наѣзжать изъ столицы разныя личности съ порученіями. Преимущественно это были социалисты разныхъ толковъ, заботящіеся о расширеніи и углубленіи революціи. Помню, какъ одинъ изъ нихъ, явный социалистъ, говорилъ съ солдатами на собранномъ для него начальствомъ митингѣ, что революціонныя требованія надо предъявлять съ запросомъ, считаясь съ тѣмъ, что не всѣ свободы удастся удержать. Онъ сравнивалъ революцію съ пловцомъ, переплывающимъ рѣку съ сильнымъ теченіемъ и вынужденнымъ брать направленіе значительно выше противъ намѣченнаго къ достиженію пункта. Конечно, такія рѣчи смущали солдатъ, вели къ нарушенію порядка службы въ арміи и подрыву дисциплины. Пріѣзжали агитаторы и изъ другого лагеря. Припоминаю трехъ студентовъ Петроградскаго Технологическаго института, прибывшихъ къ намъ съ цѣлью внушить войскамъ необходимость продолженія войны и упорной борьбы съ нѣмцами. Однако ихъ пропа-

ганда, веденная къ тому же неумѣло, успѣха не имѣла; солдаты предлагали имъ взять винтовки и остаться въ окопахъ, если имъ такъ нравятся воевать.

Чтобы по возможности воспрепятствовать вліяніямъ извнѣ на войска и успокоить умы, командиръ корпуса въ двадцатыхъ числахъ марта собралъ при штабѣ корпуса особое совѣщаніе изъ выборныхъ представителей классовыхъ и нижнихъ чиновъ отъ всѣхъ частей корпуса. Совѣщаніе открылось рѣчью генерала Заіончковскаго, въ которой онъ офицерамъ и солдатамъ разъяснилъ сущность происшедшихъ событій и призывалъ всѣхъ сплотиться предъ лицомъ врага для энергичнаго продолженія войны. Говоря о необходимости поддержанія строгой дисциплины и приводя нѣкоторые отрицательные случаи изъ жизни корпуса, онъ призывалъ солдатъ и впредь довѣрять своимъ начальникамъ и слушаться офицеровъ, которые поставлены руководить ими и всесторонне заботиться о нихъ. Генералъ Заіончковскій рѣчью владѣлъ вполне, говорилъ ясно и въ примирительномъ духѣ. Послѣдовавшія послѣ обращенія командира корпуса рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ носили рѣзкій и даже вызывающій характеръ.

Собранное совѣщаніе невольно и противъ всякихъ ожиданій обратилось въ митингъ. Накопившееся за долгое время раздраженіе, явившееся послѣдствіемъ утомленія войною, неудовольствія политикой правительства, нѣкоторыхъ недочетовъ снабженія, трудностей и лишеній боевой обстановки, мелкихъ личныхъ обидъ въ прошломъ, вдругъ вылилось и обрушилось на офицеровъ и начальниковъ, какъ ближайшихъ представителей власти. Нѣсколько убѣжденныхъ социалистовъ старалось использовать собраніе для муссированія антиофицерскаго настроенія. Въмѣсто смягченія отношеній прозвучали рѣчи, полныя злобы, зависти и неприимости къ командному составу.

Эта вдругъ прорвавшаяся неприимность, даже ненависть къ офицерамъ была для большинства совершенно неожиданной въ особенности въ боевой обстановкѣ, гдѣ условія жизни офицеровъ и солдатъ мало различались между собою, и гдѣ ежедневная возможность смерти всѣхъ уравнивала. Большинство присутствовавшихъ офицеровъ впервые узнало о существованіи глубокаго классоваго расхожденія между солдатами и офицерами, между низшими слоями населенія и его болѣе привилегированной частью.

Совѣщаніе продолжалось три дня. При содѣйствіи участвовавшихъ въ совѣщаніи офицеровъ удалось выработать болѣе или менѣе пріемлемыя пожеланія, которыя большею частью были командиромъ корпуса утверждены и объявлены въ приказѣ къ руководству. Это совѣщаніе несомнѣнно ускорило революціонированіе корпуса, но вмѣстѣ съ тѣмъ, внося неизбѣжныя измѣненія въ жизнь корпуса черезъ командный составъ, оно уберегло корпусъ отъ острыхъ эксцессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ другихъ корпусахъ. Вскорѣ отъ корпуса была отправлена въ Петроградъ депутація, въ которую вошли всѣ болѣе безпокойные элементы корпуса и которая въ значительной части тамъ и устроилась. Съ ихъ отъѣздомъ въ корпусѣ стало устанавливаться болѣе спокойное настроеніе.

На Страстной совершенно неожиданно было получено распоряженіе объ отчисленіи отъ командованія корпусомъ генерала Заіончковскаго и о назначеніи вмѣсто него генерала Эрдели, командовавшего одною изъ пѣхотныхъ дивизій корпуса.

Приказъ военнаго министра А. И. Гучкова о массовомъ одновременномъ увольненіи изъ арміи до 150 старшихъ начальниковъ и замѣнѣ ихъ болѣе молодыми и не по старшинству кандидатскихъ списковъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неудачнымъ. Списокъ увольняемыхъ былъ составленъ какими-то закулисными опросами безотвѣтственныхъ людей и носилъ случайный характеръ. Попутно съ небольшимъ числомъ слабыхъ начальниковъ было уволено значительное число среднихъ и даже хорошихъ. Хотя непосредственное замѣщеніе ихъ должностей не представляло особыхъ затрудненій, но нахожденіе дальнѣйшихъ замѣстителей за общимъ недостаткомъ у насъ опытныхъ офицеровъ вообще, а офицеровъ генеральнаго штаба въ особенности, уже вызывало осложненія. Въ итогѣ армія потеряла рядъ опытныхъ начальниковъ и понесла прямой ущербъ. Гораздо хуже былъ косвенный вредъ, получившійся отъ назначенія не по кандидатскимъ спискамъ, а по какимъ-то особымъ соображеніямъ, что поощряло къ карьеризму и интригамъ. Болѣе безпринципные начальники стали заигрывать съ солдатами въ явный ущербъ для арміи и строить свое преуспѣваніе на показной революціонности. Въ частности генералъ Заіончковскій былъ опытный командиръ корпуса, пользовался большимъ авторитетомъ въ корпусѣ и былъ любимъ войсками. 2-го апрѣля представители войсковыхъ частей корпуса проводили ген. Заіончковскаго прощальнымъ обѣдомъ, напутствовавъ его весьма теплыми и сердечными пожеланіями.

Уже въ апрѣлѣ служба въ войскахъ значительно упала. Устанавливалась почти полная безответственность солдатъ, дисциплина исчезала. Помню, какъ, примѣрно, въ половинѣ апрѣля прибылъ съ тыла на укомплектованіе корпуса эшелонъ солдатъ, собранныхъ изъ разныхъ госпиталей. Распределенные въ войсковые части корпуса, они отказались туда слѣдовать, требуя, чтобы ихъ непременно отправили въ тѣ части войскъ, въ которыхъ они раньше служили. Конечно, это было совершенно невыполнимо и предъявлялось солдатами исключительно съ цѣлью избѣжать отправки на фронтъ. Благодаря принятію ряда энергичныхъ мѣръ съ привлеченіемъ къ этому войсковыхъ комитетовъ, удалось большую часть отправить на фронтъ, но все же часть самовольно ушла и конечно безнаказанно исчезла.

Примѣрно въ то же время въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ корпуса солдаты убили храбраго боевого офицера. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, хулилъ революцію и нѣсколько вызывающе держалъ себя въ отношеніи солдатъ. Благодаря условіямъ революціоннаго времени, виновные не понесли наказанія. Это уже былъ опасный прецедентъ и серьезный подрывъ дисциплины.

Нахлынувшая въ армію въ большомъ количествѣ литература социалистическихъ партій стала быстро развращать солдатъ. Дисциплина пала. Началось дезертирство: увольняемые въ отпускъ частью не возвращались или сильно запаздывали. Страшно развилась карточная игра. Стихійное развитіе получило устройство спектаклей, вечеровъ, танцулекъ. Къ службѣ относились спустя рукава и она выполнялась лишь по энерціи, кое-какъ. Приказы плохо и не всегда исполнялись.

Когда командиръ корпуса генералъ Эрдели рѣшилъ по стратегическимъ соображеніямъ вытянуть съ фронта одну дивизію въ резервъ, соответственно передвинувъ остальные части по фронту, то нѣкоторые полки, обжившіеся на своихъ участкахъ и предназначенные къ переходу на худшіе участки, первоначально отказались исполнить приказаніе и выполнили его только послѣ специальныхъ уговоровъ. Точно также вытянутая въ резервъ дивизія по истеченіи срока отдыха не пожелала вновь становиться на позицію. Только послѣ долгихъ уговоровъ удалось настоять на своемъ. Долженъ оговориться, что 18-й армейскій корпусъ, въ сравненіи съ другими корпусами, сохранился гораздо лучше и разрушался медленно.

Не мало осложненій вносили командующій Юго-западнымъ фронтомъ генераль отъ кавалеріи Брусиловъ. Принимая депутаціи отъ дивизій, онъ на ихъ жалобы объ утомленіи, въ поискахъ популярности, легко расточалъ обѣщанія отдыха, не считаясь съ условіями службы въ корпусѣ и никого объ этомъ не увѣдомляя. Было нѣсколько случаевъ, что солдаты отказывались нести боевую службу, ссылаясь на обѣщанія генерала Брусилова. Не могу не упомянуть для характеристики этого генерала слѣдующіе факты, почерпнутые въ штабѣ 8-й арміи, которою онъ командовалъ въ началѣ войны. Бывшій при немъ комендантъ штаба арміи передавалъ мнѣ, что бывали случаи, когда генераль Брусиловъ приводилъ встрѣченныхъ имъ во время своихъ прогулокъ солдатъ и приказывалъ ихъ пороть за неотданіе ему чести. Революція застала его на должности командующаго Юго-западнымъ фронтомъ. Начальникъ службы связи 8-й арміи, сохранившій телеграфную ленту, рассказывалъ мнѣ, что въ связи съ начавшеюся революціей штабъ арміи сталъ принимать изъ штаба фронта телеграмму, начинавшуюся словами: „Кучка негодяевъ“ и т. д. съ соотвѣтствующимъ текстомъ. Затѣмъ передача телеграммы была прервана, ленту приказано было уничтожить и взамѣнъ генераль Брусиловъ торжественно объявлялъ войскамъ о происшедшей революціи и о томъ, что онъ лично всегда былъ увѣжденнымъ революціонеромъ. Дальнѣйшее двуличное поведеніе генерала Брусилова всѣмъ хорошо извѣстно.

Объявленіе „правъ солдата“, выработанное при Гучковѣ и объявленное при Керенскомъ, продолжало разрушеніе арміи. Впрочемъ многое уже было введено въ жизнь арміи частичными распоряженіями, исходившими изъ министерства Гучкова.

Вслѣдствіе распоряженій свыше, 1-го мая былъ устроенъ парадъ, при чемъ, во избѣжаніе эксцессовъ, приказомъ по корпусу было повелѣно всѣмъ офицерамъ быть съ красными бантами.

Проконандовавъ корпусомъ всего около двухъ мѣсяцевъ, генераль Эрдели былъ назначенъ командующимъ 11-й арміей. 2-го іюня представители корпуса тепло проводили его ужиномъ. 3-го іюня я поѣхалъ съ генераломъ Эрдели въ Черновицы въ штабъ 8-й арміи, гдѣ представился новому командующему арміей генералу Корнилову. Послѣ завтрака генераль Корниловъ пригласилъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ занять должность начальника штаба 8-й арміи въ виду ожидаемаго назначенія генерала Романовскаго на должность генераль-квартирмейстера Ставки.

Изъ-за порчи автомобиля мнѣ пришлось ночевать въ Черновицахъ, а 4 іюня окончательно выяснился ухоть генерала Романовскаго. Въ виду этого генераль Корниловъ просилъ меня съѣздить въ сел. Селетинъ для сдачи штаба корпуса и немедленно вернуться для совмѣстнаго выѣзда съ нимъ на фронтъ.

Штабъ 8-ой арміи генерала Корнилова.

Въ два часа дня 5 іюня я поѣхалъ съ генераломъ Корниловымъ въ объѣздъ XII и XVI армейскихъ корпусовъ, предназначенныхъ для прорыва австро-нѣмецкаго фронта. Въ объѣздѣ мы пробыли 6, 7 и 8 іюня, при чемъ въ Надворной у насъ состоялось свиданіе съ пріѣзжавшимъ на фронтъ командующимъ войсками фронта генераломъ Гуторомъ и съ его начальникомъ штаба генераломъ Духонинымъ. Вечеромъ, 8-го іюня, мы вернулись въ Черновицы и я фактически вступилъ въ управленіе штабомъ арміи. 10-го іюня состоялся приказъ по арміи и флоту о моемъ назначеніи на должность Наштарм 8.

До своего пріѣзда 3 іюня въ штабъ арміи я съ генераломъ Корниловымъ не встрѣчался, слыхалъ же о немъ впервые въ Манчжуріи во время русско-японской войны, когда онъ отличился въ качествѣ штабъ-офицера для порученій при управленіи 1 стрѣлковой бригады во время нашего отхода отъ Мукдена, смѣло и энергично устраивая безпорядочно отступавшія части. За это боевое дѣло полковникъ Корниловъ былъ награжденъ орденомъ Святого Георгія 4 степени.

Лавръ Георгіевичъ Корниловъ былъ ниже средняго роста, очень сухой, съ коротко остриженной головой, съ нѣсколько выступающими скулами и раскосыми глазами. По рожденію онъ былъ забайкальскій казакъ и въ немъ сказывался киргизскій типъ. Небольшіе каріе глаза большею частью онъ скромно опускалъ, лишь отъ поры до времени останавливая на собесѣдникѣ свой пронизательный взглядъ. Лицо всегда сосредоточенно спокойное, почти никогда не улыбавшееся, на которомъ въ минуты сильныхъ переживаній внѣшне ничего не отражалось. Руки небольшія, пальцы тонкіе. На указательномъ пальцѣ правой руки онъ носилъ простое золотое кольцо съ золотой печаткой и инициалами, которымъ, перебирая бумаги или разговаривая, онъ иногда ударялъ по столу. Въ жизненныхъ привычкахъ былъ крайне непритязателенъ, въ обхожде-

ниі скромень. Былъ очень выносливъ, хотя физически скорѣе слабъ и страдалъ сильными головными болями. Духомъ непоколебимъ и твердой воли. Въ работѣ крайне добросовѣстенъ и настойчивъ. Съ подчиненными общителенъ, но не многорѣчивъ.

Мой первый разговоръ съ генераломъ Корниловымъ, когда онъ мнѣ предложилъ должность своего начальника штаба, былъ довольно кратокъ. Говоря о предстоящей службѣ, онъ высказалъ мнѣніе, что начальникъ штаба долженъ быть посвященъ во всѣ планы и предположенія своего начальника и что у послѣдняго не должно быть секретовъ отъ своего начальника штаба. Далѣе генераль Корниловъ говорилъ, что начальникъ штаба долженъ быть всегда готовъ принять нужныя рѣшенія въ отсутствіи своего начальника и отдать за него соотвѣтствующія приказанія, и что непринятіе таковыхъ начальникомъ штаба онъ ему поставитъ въ строгое осужденіе.

Въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль шла усиленная подготовка къ наступательнымъ операціямъ XII и XVI корпусовъ. Помимо естественной перегруппировки войскъ въ арміи и разработки плана операціи приходилось заниматься уговариваніемъ войсковыхъ частей, чтобы добиться ихъ согласія принять участіе въ предполагаемомъ наступленіи. Уговаривали всѣ отъ младшихъ начальниковъ до командующаго арміей включительно. Помню, какъ во время объѣзда фронта XVI корпуса, командиръ корпуса генераль Стоговъ доложилъ генералу Корнилову про одинъ пѣхотный полкъ, который упорно отказывался принять участіе въ наступленіи. Генераль Корниловъ лично потребовалъ отъ этого полка исполненія воинскаго долга въ очень строгомъ тонѣ, какъ тогда уже отвыкли говорить съ солдатами, и полкъ участвовалъ въ общемъ наступленіи. Но переброска изъ другого корпуса на фронтъ наступленія арміи 79-ой внѣочередной дивизіи, которой командовалъ генераль Литовцевъ, такъ и не удалась, несмотря на командировку туда въ помощь начальнику дивизіи помощника комиссара арміи.

Чтобы поднять въ арміи наступательный духъ и имѣть вполнѣ надежную войсковую часть, которая могла бы вдохновить и увлечь сосѣднія войска въ бою, командующимъ арміей сталъ формироваться изъ добровольцевъ ударный батальонъ имени генерала Корнилова во главѣ съ генеральнаго штаба капитаномъ Нѣженцевымъ.

Примѣрно 10 іюня генераль Корниловъ произвелъ смотръ Текин-

скому конному полку, послѣ чего вызвалъ его для охраны штаба арміи. Свободно владѣя текинскимъ языкомъ, онъ разговаривалъ съ полкомъ и ежедневно съ очередной охраной изъ текинцевъ на ихъ родномъ языкѣ, благодаря чему пользовался исключительной любовью и преданностью текинцевъ.

Объ эти части — ударный баталіонъ имени Корнилова, развернутый вполслѣдствіи въ полкъ, и Текинскій конный полкъ въ будущемъ составили оплотъ и личную охрану генерала Корнилова.

Много хлопотъ и заботъ причиняли запасные баталіоны арміи, расквартированные въ Черновицахъ въ мѣстѣ расположенія штаба арміи. Въ особенности мучилъ всѣхъ врачъ одного изъ запасныхъ баталіоновъ Юзефсонъ, входившій въ составъ комитетовъ и своего баталіона, и гарнизона. Чтобы освободиться отъ него и разгрузить городъ отъ массы недисциплинированныхъ и разнузданныхъ солдатъ, было рѣшено запасный баталіонъ съ докторомъ Юзефсономъ перевести на другую стоянку, мотивируя это перемѣщеніе стратегической необходимостью. Несмотря на нежеланіе баталіона уходить изъ Черновицъ и рядъ проявленныхъ имъ сопротивленій, генералу Корнилову своей настойчивостью и твердостью удалось провести задуманное перемѣщеніе, хотя до послѣдняго момента въ этомъ не было увѣренности.

Въ началѣ іюня въ армію прибылъ бывшій военный министръ А. И. Гучковъ и какъ офицеръ запаса выразилъ желаніе поступить въ одинъ изъ полковъ такъ называемой Дикой дивизіи. Однако въ полкахъ дивизіи его кандидатура была забаллотирована офицерами и его поступленіе въ боевую армію не состоялось. Обѣдая въ штабѣ арміи, Гучковъ пространно жаловался на развалъ арміи. Помню, меня возмутили эти жалобы со стороны Гучкова, который въ достаточной степени приложилъ свою руку, чтобы ускорить развалъ, и я ему задалъ вопросъ, имъ или не имъ былъ подписанъ рядъ приказовъ, узаконившихъ этотъ развалъ. Гучковъ долженъ былъ признать, что они были подписаны имъ, хотя и приводилъ разные „но“. Настроенъ онъ былъ весьма пессимистически и тогда же предсказывалъ, что Учредительное Собраніе врядъ ли удастся собрать.

Примѣрно около 15 іюня въ штабъ арміи прибылъ спеціально присланный отъ правительства комиссаръ. Таковымъ къ командиру 8-й арміей былъ назначенъ Максимиліанъ Максимиліановичъ Филоненко, по

образованію и профессіи морской инженеръ-строитель, по предшествующей службѣ штабсъ-капитанъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ рядахъ котораго онъ кажется даже былъ раненъ, по политическимъ убѣжденіямъ—соціалъ-революціонеръ. Его ближайшимъ помощникомъ былъ инженеръ-технологъ Ципкевичъ. Кромѣ того при немъ состояли еще два или три помощника, при чемъ, конечно, не обошлось и безъ еврейскаго элемента.

За день до пріѣзда ихъ въ штабъ арміи была получена телеграмма изъ штаба Юго-западнаго фронта о назначеніи къ намъ правительственнаго комиссара и указано время его пріѣзда по желѣзной дорогѣ. Представляя себѣ возможную щепетильность правительственнаго комиссара въ неоказаніи ему должнаго вниманія и уваженія, я приказалъ коменданту штаба арміи отвести имъ приличную квартиру, что было легко сдѣлать въ такомъ городѣ, какъ Черновицы, и выслать за ними на вокзалъ ко времени прихода поѣзда легковой автомобиль и подводу для вещей. Однако, въ назначенный день и часъ никто не пріѣхалъ. На другой день ко мнѣ пришли представиться комиссаръ Филоненко и его помощникъ Ципкевичъ. Первымъ дѣломъ они мнѣ заявили свое крайнее неудовольствіе, что имъ, правительственнымъ комиссарамъ, не была отведена квартира и что, пріѣхавъ изъ Каменецъ-Подольска на автомобиль, они обращались къ коменданту города генералу Кублицкому-Пиотухъ, но послѣдній оказался неосвѣдомленнымъ объ ихъ пріѣздѣ. Претензіи эти выражались довольно горячо, при чемъ особенно волновался помощникъ комиссара Ципкевичъ. Видя ихъ неправоту и желая ихъ съ перваго раза немного проучить за неумѣстную горячность, я умышленно не возражалъ, давая возможность нѣсколько разгорѣться ихъ страстямъ и наговорить мнѣ много кислыхъ словъ. Затѣмъ я напомнилъ имъ о телеграммѣ, гдѣ было указано, что они пріѣдутъ по желѣзной дорогѣ, а они пріѣхали на автомобиль, а во вторыхъ подчеркнул незнаніе ими военной организаціи, изъ-за чего они обратились къ коменданту города, а не къ коменданту штаба арміи, вѣдающему расквартированіемъ всѣхъ чиновъ штаба. Вызванный комендантъ штаба арміи доложилъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и предложилъ провозжатаго на отведенную имъ квартиру. Такимъ образомъ при первой же встрѣчѣ со мною они должны были признать свою полную неправоту и извиниться за свою горячность. Данный мною имъ урокъ послужилъ на пользу и въ дальнѣйшемъ у меня съ представителями комиссаріата никакихъ личныхъ столкновеній не было.

Въ штабѣ 8-й арміи комиссаръ Филоненко пробылъ около трехъ недѣль, послѣ чего онъ совмѣстно съ генераломъ Корниловымъ перешелъ сначала въ штабъ Юго-западнаго фронта, а затѣмъ въ Ставку.

Когда проводился институтъ правительственныхъ комиссаровъ при командующихъ арміями, то Керенскій, настаивая на его созданіи, указывалъ, что онъ главнымъ образомъ будетъ содѣйствовать проведенію въ жизнь приказаній команднаго состава и сглаживанію треній между нимъ и солдатами. Конечно, скрытая цѣль была совсѣмъ иная, которая и проявилась въ періодъ августовскаго разлада между военнымъ министромъ Керенскимъ и главнокомандующимъ Корниловымъ.

На первыхъ порахъ комиссары дѣйствовали весьма осторожно и внѣшне какъ будто приносили нѣкоторую пользу, воздѣйствуя своимъ революціоннымъ авторитетомъ на бунтующія части. Конечно, при общей проводившейся Керенскимъ политикѣ двоедушія и непротивленія социалистамъ всѣхъ оттѣнковъ къ углубленію революціи и систематическому развалу арміи эта польза была несущественна и въ конечномъ итогѣ безполезна.

За время своего комиссарства при командующемъ 8-й арміи Филоненко ничѣмъ особенно себя не проявилъ. Держалъ онъ себя довольно тактично и особыхъ треній не вызывалъ. Только разъ онъ вторгся въ компетенцію командующаго арміей по слѣдующему незначительному и въ сущности совершенно второстепенному случаю.

Атака противника XII и XVI корпусами арміи была назначена на 25 іюня. Дня за три до этого генераломъ Корниловымъ собственноручно былъ написанъ приказъ по арміи, въ которомъ онъ старался воодушевить войска и призывалъ ихъ къ исполненію своего долга передъ родиной. Приказъ уже былъ отпечатанъ и подлежалъ разсылкѣ въ войска. Около двухъ часовъ ночи ко мнѣ позвонилъ Филоненко, нѣсколько возбужденнымъ голосомъ сказалъ о невозможности выпуска этого приказа, настаивая на задержаніи разсылки его по войскамъ, и выразилъ желаніе имѣть на слѣдующее утро личный по этому поводу докладъ у генерала Корнилова. Изъ краткаго телефоннаго разговора я не могъ понять, что въ упомянутомъ приказѣ вызвало несогласіе комиссара. Такъ какъ времени было достаточно и разсылка приказа не была спѣшна, то я велѣлъ его задержать. На утро я доложилъ объ этомъ командующему, который просилъ меня присутствовать при разговорѣ съ комиссаромъ. Никакого

волненія я на лицѣ Корнилова не замѣтилъ; лично же я волновался, такъ какъ боялся серьезныхъ осложненій. Когда явился Филоненко, то онъ доложилъ генералу Корнилову, что въ приказѣ есть выраженіе, недопустимое съ революціонной точки зрѣнія. Доставъ приказъ, генераль Корниловъ просилъ это выраженіе указать. Филоненко не сразу нашелъ инкриминируемое мѣсто и только, внимательно перечитавъ приказъ, указалъ на фразу, гдѣ предлагалось наступать до полного уничтоженія врага. Слова „уничтоженіе врага“ или что-то въ этомъ родѣ оказались непріемлемы для революціонной совѣсти правительственнаго комиссара. Генераль Корниловъ выслушалъ съ полнымъ спокойствіемъ заявленіе Филоненко и, ставя успѣхъ задуманной операциі выше мелкаго личнаго самолюбія, предложилъ на замѣну пару другихъ словъ, удовлетворившихъ комиссара. За время этого щекотливаго разговора, который несомнѣнно долженъ былъ задѣть самолюбіе командующаго, генераль Корниловъ сохранилъ полное самообладаніе и хладнокровіе и ни одинъ мускулъ, ни малѣйшая интонаціа голоса не выдавали какого-либо волненія у него. Что касается Филоненко, то у меня сложилось мнѣніе, что онъ приказа раньше не видалъ, что онъ дѣйствовалъ съ наущничества кого-либо изъ своихъ помощниковъ и что самъ онъ передъ генераломъ Корниловымъ почувствовалъ себя сконфуженнымъ за свое выступленіе.

Вообще съ прибытіемъ въ штабъ арміи комиссара началось собираніе подпольныхъ сплетенъ и создавалось широкое поле для всякаго рода интригъ и подвоховъ. Вышеупомянутый приказъ Гучкова о массовомъ увольненіи лицъ старшаго команднаго состава принесъ много вреда. Пошло подыгрываніе въ революціонность, развились интриги и грязный карьеризмъ, имѣвшіе разлагающее вліяніе на нравственный обликъ арміи. Подобная некрасивая интрига развилась вокругъ начальника одной изъ кавалерійскихъ дивизій, въ которой Филоненко принялъ активное участіе. Къ сожалѣнію штабъ арміи не успѣлъ за него заступиться, такъ какъ дивизія пробывала въ подчиненіи 8-й арміи всего нѣсколько дней.

Вступивъ въ должность начальника штаба арміи, я первоначально докладывалъ командующему арміей всѣ бумаги, адресованныя на его имя, при чемъ генераль Корниловъ имѣлъ обыкновеніе на нихъ ставить весьма подробныя резолюціи, что, конечно, отнимало у него очень много времени. Примѣрно черезъ недѣлю нашей совмѣстной службы, когда мы успѣли немного ближе другъ съ другомъ познакомиться, я предложилъ ему пере-

довѣрить мнѣ часть переписки съ тѣмъ, чтобы докладывать ему лишь болѣе существенное и тѣмъ менѣе отвлекать его мысли отъ чисто боевыхъ соображеній. Онъ охотно на это согласился и такимъ образомъ добрая половина бумагъ, въ томъ числѣ всѣ путанныя бумаги о правѣ въѣзда и выѣзда австрійскихъ подданныхъ изъ занятаго нами района съ длинными пояснительными приложеніями, рѣшались мною его именемъ. Я упоминаю эту служебную мелочь, чтобы подчеркнуть наличность въ характерѣ генерала Корнилова полного довѣрія къ своимъ сотрудникамъ и особую довѣрчивость къ людямъ вообще.

Забѣгая нѣсколько впередъ, хочу привести еще одинъ характерный случай изъ нашихъ взаимныхъ служебныхъ отношеній. Въ одинъ изъ боевыхъ дней въ періодъ наступленія XII и XVI армейскихъ корпусовъ на Галичъ и Калушъ генералъ Корниловъ уѣхалъ на фронтъ и изъ штаба XII корпуса послалъ телеграмму съ приказаніемъ о перемѣщеніи пѣшаго полка*) одной изъ кавалерійскихъ дивизій, входившаго въ составъ XVI корпусъ, приславъ мнѣ, какъ начальнику штаба, копію для свѣдѣнія. За время отсутствія генерала Корнилова изъ XVI корпусъ стали поступать донесенія, неизвѣстныя командующему арміею и на основаніи которыхъ я считалъ выдвигеніе изъ состава XVI корпусъ означеннаго полка опаснымъ. Всѣ попытки вступить съ генераломъ Корниловымъ въ телефонную связь мнѣ не удалось, между тѣмъ уже наступало время для выступленія полка и дальше ждать было нельзя. Помня слова Корнилова, что начальникъ штаба, въ отсутствіи командующаго, долженъ быть въ состояніи принять нужныя рѣшенія за своего начальника, я послалъ командиру XVI корпусъ телеграмму отъ имени генерала Корнилова, что приказаніе отмѣняется. Сознавая правильность принятаго рѣшенія, я все же боялся встрѣтить рѣзкое неудовольствіе командующаго за то, что самовольно позволилъ себѣ отмѣнить лично имъ отданное приказаніе. Когда поздно вечеромъ генералъ Корниловъ вернулся въ штабъ и я доложилъ ему о посланномъ мною приказаніи, то онъ безъ всякаго ложнаго самолюбія призналъ мою правоту и поблагодарилъ за сдѣланное распоряженіе.

Свойственныя генералу Корнилову довѣрчивость къ людямъ и отсутствіе мелкаго ложнаго самолюбія чрезвычайно облегчали совмѣстную съ

*) Къ концу войны при каждой кавалерійской дивизіи былъ сформированъ свой сводный пѣшій полкъ.

нимъ службу. Къ сожалѣнію, онъ иногда эту довѣрчивость распростра-
нялъ на людей, незаслуживающихъ ея. Кромѣ двухъ личныхъ адъютан-
товъ при немъ состояли еще пѣкты Завойко и полковникъ Голицынской,
пользовавшіеся его особымъ довѣріемъ. Впослѣдствіи, я читалъ въ вос-
поминаніяхъ ген. Деникина, что генераль Корниловъ воспретилъ Завойко
въѣздъ въ Новочеркасскъ, а Голицынской уже послѣ смерти Корнилова
получилъ изъ штаба Добровольческой арміи деньги для его семьи и не
доставилъ ихъ по назначенію. Та же довѣрчивость впослѣдствіи подвела
генерала Корнилова при его переговорахъ черезъ Львова съ злымъ ге-
ніемъ Россіи Керенскимъ.

Среди арміи генераль Корниловъ несомнѣнно былъ популяренъ, но
онъ переоцѣнивалъ популярность своего имени среди широкихъ массъ.
Онъ былъ убѣжденъ, что армію еще можно возстановить, и понималъ,
что для этого нужны твердая воля и энергичныя мѣры. Несмотря на при-
сущую ему скромность, онъ несомнѣнно былъ нѣсколько тщеславенъ.
Еще будучи командующимъ арміей онъ увѣровалъ, что сможетъ
спасти Россію, и вѣрилъ, что за нимъ пойдетъ народъ. Онъ искренно
любилъ Россію и ставилъ ея интересы выше своихъ. Свѣтлая память о
немъ сохранится въ Россіи навсегда.

Начальникъ штаба арміи вообще, а въ особенности во время актив-
ныхъ операцій арміи былъ чрезвычайно занятъ. Рабочій день нормально
начинался въ 8 час. утра и рѣдко заканчивался ранѣе часа, двухъ ночи,
почти безъ всякихъ перерывовъ. Много времени отнимали у начальника
штаба члены комиссаріата и армейскаго комитета, постоянно обраща-
вшіеся къ нему за всякими справками и съ мелкими претензіями. Въ виду
ихъ неподготовленности и непониманія дѣла приходилось большею частью
давать по всѣмъ вопросамъ элементарныя и крайне подробныя разъясне-
нія. Не мало хлопотъ доставлялъ вопросъ о пользованіи автомобилями.
Комитетчики постоянно требовали для своихъ нуждъ автомобили, совер-
шенно не считаясь съ ихъ наличнымъ числомъ, и часто задерживали ихъ
на нѣсколько сутокъ. Начальникъ службы связи никакъ не могъ съ ними
договориться. Попытка предоставить въ ихъ полное распоряженіе двѣ
машины также не разрѣшила вопроса, и начальнику штаба постоянно
приходилось разбирать ихъ претензіи.

Во время боевыхъ операцій комитетчики выдѣлили изъ своей среды
боевые комитеты, которые уже регулярно дважды въ день приходили за

справками и обязательно къ начальнику штаба. Вообще всякій, имѣвшій какую-либо надобность въ штабѣ, желалъ непременно видѣть лично начальника штаба и при создавшейся обстановкѣ ничего нельзя было противъ этого подѣлать.

Главное наступленіе, подготовленное Керенскимъ на Юго-западномъ фронтѣ, было назначено на 18-е іюня на фронтѣ 11-й, Особой и 7-й армій. Несмотря на сильнѣйшую артиллерійскую подготовку, фактически уничтожившую всѣ непріятельскіе окопы, атака успѣха не имѣла, такъ какъ пѣхота не желала серьезно атаковать и ограничилась захватомъ первой линіи противника.

Операции, назначенныя на фронтѣ 8-й арміи, носили второстепенный характеръ. Командующій 8-й арміей отъ Юго-западнаго фронта никакой помощи не получилъ и долѣженъ былъ обойтись своими силами. Въ 8-ой арміи атака была назначена двумя правофланговыми корпусами: XII-мъ — генерала Черемисова и XVI-мъ — генерала Стогова. Главный ударъ предназначался на фронтѣ XII корпуса, западнѣе Станиславова.

24 іюня въ виду предстоящаго наступленія оперативная часть штаба арміи переѣхала изъ Черновицъ въ г. Коломыю, остальная часть штаба оставалась въ Черновицахъ.

25 іюня началась атака, имѣвшая полный успѣхъ, въ особенности на фронтѣ XII корпуса. Присутствовавшіе на ней иностранные представители во главѣ съ англійскимъ генераломъ засвидѣтельствовали смѣлый порывъ атаковавшихъ войскъ. Взято было до 15 тысячъ плѣнныхъ и болѣе 50 орудій. 28 іюня XII корпусомъ былъ занятъ Калушъ и части арміи стали выходить въ долину рѣки Ломницы. При занятіи Калуша сказалась распушенность войскъ и они проявили много жестокостей по отношенію мирнаго населенія, преимущественно еврейскаго мѣстечка. Въ ночь съ 2-го на 3-е іюля части XII корпуса, бывшія уже на лѣвомъ берегу Ломницы, изъ-за подъема воды и разлива рѣки, отошли обратно на правый берегъ Ломницы. XVI корпусъ, отставшій отъ XII корпуса, еще 3-го іюля продолжалъ атаковать на правомъ берегу Ломницы, но уже чувствовалось, что войска выдохлись и безъ свѣжихъ силъ дальше наступать нельзя. Всѣ попытки генерала Корнилова продвинуть войска еще впередъ уже не имѣли успѣха. Генералъ Корниловъ неоднократно просилъ командующаго Юго-западнымъ фронтомъ о присылкѣ подкрѣплений для развитія успѣха, но таковыя арміи не были даны.

Примѣрно 4-го іюля комиссары 8-й арміи Филоненко и Юго-западнаго фронта Савинковъ телеграфировали Керенскому, указавъ обстановку на фронтѣ 8-й арміи, на отсутствіе инициативы у командующаго Юго-западнымъ фронтомъ генерала Гутора, и на желательность его замѣщенія генераломъ Корниловымъ. Указанная телеграмма была передана мнѣ въ штабъ для ея зашифрованія.

6-го іюля генераль Корниловъ былъ вызванъ въ штабъ фронта въ дер. Ходачувъ Велькій (юго-западнѣе Тарнополя), откуда еще днемъ прислалъ телеграмму о назначеніи его командующимъ Юго-западнымъ фронтомъ и генерала Черемисова—командарм 8. Около 10 часовъ вечера, 6-го іюля, вернулся въ штабъ арміи генераль Корниловъ, а вскорѣ послѣ того прибылъ генераль Черемисовъ и вступилъ въ командованіе арміей. Генераль Корниловъ утромъ 7-го іюля уѣхалъ въ штабъ фронта.

Еще днемъ 6-го іюля изъ прослѣдовавшихъ черезъ штабъ арміи телеграммъ стало извѣстно, что у генерала Черемисова начальникомъ штаба арміи будетъ его начальникъ штаба XII корпуса полковникъ Меньшовъ, что на должность генераль-квартирмейстера онъ вмѣсто генерала Покровскаго приглашаетъ полковника Левицкаго изъ штаба VII арміи, а также дѣлались предложенія для замѣщенія новымъ лицомъ должности старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія. Генераль Корниловъ, узнавъ о предстоящихъ перемѣненіяхъ, былъ крайне удивленъ и высказался, что, принимая Юго-западный фронтъ, онъ не считаетъ себя вправѣ тамъ кого-либо перемѣщать.

Генераль Черемисовъ сейчасъ же по вступленіи въ командованіе арміей, около полуночи съ 6 на 7 іюля, приказалъ войскамъ съ утра 7 іюля возобновить атаки противъ деревень Новицы и Добровляны на правомъ берегу Ломницы и всему штабу арміи немедленно перейти въ г. Станиславовъ. И то, и другое было крайне легкомысленно, такъ какъ наше положеніе было вообще неустойчиво, войска выдохлись и уже 6-го іюля произошелъ прорывъ 11 арміи, о чемъ намъ привезъ свѣдѣнія генераль Корниловъ. Исключительную же спѣшку въ переброскѣ всего штаба въ Станиславовъ никакими разумными началами нельзя было объяснить.

Переѣздъ оперативной части штаба арміи былъ назначенъ къ 12 час. дня 7-го іюля, къ каковому времени штабъ, конечно, не могъ быть правильно оборудованъ связью, что мною и начальникомъ службы связи было доложено генералу Черемисову. Когда оперативная часть штаба

арміи въ 12 ч. дня 7-го іюля прибыла въ Станиславовъ, то телефонныя и телеграфныя линіи еще проводились, а въ отведенномъ для штаба зданіи бабы усиленно мыли полы. Суетливо и безпорядочно весь штабъ сталъ сосредоточиваться въ Станиславовъ и, не успѣвъ разложиться, 9-го іюля столь же поспѣшно сталъ отходить обратно, въ связи съ выяснившейся необходимостью отвода всей арміи. Своими перемѣщеніями штабъ несомнѣнно внесъ безпорядокъ въ тылъ и способствовалъ проникновенію паники въ войска. Въ ночь съ 9 на 10 іюля нѣкоторые войсковые обозы отходили черезъ Станиславовъ уже со скоростью, свойственной бѣгущимъ войскамъ.

7-го іюля должность начальника штаба арміи перешла къ полковнику Меньшову, который ни у меня, ни у генераль-квартирмейстера арміи генерала Покровскаго не поинтересовался оріентироваться о положеніи дѣлъ на фронтѣ арміи. Въѣстъ съ тѣмъ своимъ высокоомѣрнымъ и рѣзкимъ обращеніемъ по отношенію къ офицерамъ штаба арміи полковникъ Меньшовъ въ первые же дни вызвалъ острый конфликтъ съ офицерами, при чемъ ему пришлось выслушать отъ представителя союза офицеровъ рѣзкую отповѣдь. Въ связи съ этимъ помимо старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія еще ушелъ изъ штаба начальникъ службы связи.

Конечно, одновременное устраненіе отъ дѣла начальника штаба арміи, генераль-квартирмейстера арміи, старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія и начальника службы связи не могли не отразиться отрицательно на дѣятельности штаба. Въ результатѣ, въ диспозиціи для послѣдовавшаго отхода арміи было позабыто о существованіи цѣлаго армейскаго корпуса.

Командованіе Гвардейской стрѣлковой дивизіей.

Видя полный развалъ арміи и нежеланіе Временнаго Правительства принять дѣйствительныя мѣры для поднятія ея боеспособности, я рѣшилъ новыхъ назначеній не принимать и эвакуироваться изъ арміи. 8-го іюля я свидѣтельствовался на предметъ эвакуаціи по болѣзни; здоровье мое фактически было сильно надорвано и я страдалъ повторнымъ упорнымъ воспаленіемъ корешковъ поясничныхъ нервовъ.

9-го іюля мною было получено отъ генерала Корнилова предложение о принятіи ряда дивизій, въ томъ числѣ гвардейской стрѣлковой. Убѣдившись въ невозможности работать на фронтѣ и полной бесполезности дальнѣйшей службы, я принципиально рѣшилъ отказаться отъ новыхъ назначеній, но предложеніе мнѣ въ командованіе гвардейской стрѣлковой дивизіи заставило меня задуматься. Правда, за два дня до этого, я встрѣтилъ въ Станиславовѣ нѣсколько офицеровъ гвардейской стрѣлковой дивизіи, отъ которыхъ зналъ о сильнѣйшемъ развалѣ дивизіи и ея слабой боеспособности. Но въ то же время гвардейская стрѣлковая дивизія была мнѣ родная, въ которой за послѣдніе семь лѣтъ я прослужилъ болѣе шести на должностяхъ начальника штаба дивизіи, командира полка и затѣмъ снова начальника штаба дивизіи. Изъ этой дивизіи я всего 4½ мѣсяца отсутствовалъ. Тамъ я многихъ зналъ и меня хорошо знали. Ясно сознавая всю трудность и неблагодарность принимаемой на себя задачи, я все же не считалъ себя вправѣ отказаться отъ этого назначенія. Съ гвардейской стрѣлковой дивизіей я былъ связанъ глубокими узами и я не считалъ возможнымъ отречься отъ нея въ настоящее страдное время. Я обманывалъ себя надеждой, что, если и могу что сдѣлать, то только въ этой близкой мнѣ дивизіи. Съ этими мыслями я принялъ назначеніе на должность начальника Гвардейской стрѣлковой дивизіи.

13 іюля я представился въ Каменецъ-Подольскѣ командующему Юго-западнымъ фронтомъ генералу Корнилову, отъ котораго узналъ, о восстановленіи военно-полевыхъ судовъ и о предъявленныхъ имъ къ Временному правительству требованій для проведенія дѣйствительныхъ мѣръ по оздоровленію арміи. 14 іюля я представился командующему 7-ой арміей генералу Селивачеву и командиру 2-го гвардейскаго корпуса генералу Вирановскому.

Я хорошо понималъ, что прибрать къ рукамъ распустившуюся дивизію не такъ просто. Надо было внести строгую дисциплину и безпрекословное исполненіе приказаній, считаясь одновременно съ революціонными законами и съ установившимися за время революціи порядками и привычками. Первымъ дѣломъ слѣдовало всячески поднять авторитетъ офицеровъ. Предстояло проводить свои требованія съ полной настойчивостью и со всею непреклонностью воли, проявляя одновременно большой тактъ, чтобы не перетянуть струну, и лавируя между новыми установленіями въ арміи. Я ясно сознавалъ, что при преслѣдованіи лѣни, трусости,

распущенности и разнузданности я встрѣчу сильное сопротивленіе, но надѣялся его сломить, рассчитывая на укрѣпленіе власти начальниковъ возстановленнымъ на фронтѣ военно-полевымъ судомъ и на поддержку свыше. Я общалъ своимъ прямымъ начальникамъ сдѣлать все возможное для возстановленія боевой способности дивизіи, но предусматривалъ и оговаривался, если дивизія не сломить меня.

15-го іюля я прибылъ въ штабъ гвардейской стрѣлковой дивизіи въ дер. Юрковцы (Подольской губерніи) и вступилъ въ командованіе гвардейскими стрѣлками. Я рѣшилъ сразу принять опредѣленную твердую линію и придерживаться ея до конца. Объявляя о своемъ вступленіи въ командованіе дивизіей, я потребовалъ непрекословнаго исполненія всѣхъ приказаній, угрожая въ противномъ случаѣ вновь возстановленнымъ военно-полевымъ судомъ до смертной казни включительно.

16 іюля я принималъ командировъ частей и представителей дивизионнаго и полкового комитетовъ, которые общали мнѣ свою энергичную поддержку.

Общее состояніе дивизіи оказалось хуже, чѣмъ я ожидалъ. Въ значительной степени это объяснялось тѣмъ, что большинство старыхъ стрѣлковъ, участниковъ многихъ славныхъ боевъ дивизіи, ушли съ фронта въ запасные батальоны въ Царское Село, откуда полки получили взаменъ распропагандированныя подъ Петроградомъ и разнузданныя укомплектованія. Въ наихудшемъ состояніи находились гвардіи 1-й и 4-й стрѣлковые полки.

Въ гвардіи 1 стрѣлковомъ полку во время только что закончившагося отступленія половина ротъ соглашалась воевать и слѣдовала съ полковымъ знаменемъ, а половина ротъ отказывалась воевать и на походѣ шла отдѣльно. Связь между обѣими частями полка поддерживалась лишь его хозяйственной частью, довольствовавшей тѣхъ и другихъ. Командиръ 1-го полка полковникъ Крейтонъ исполнялъ должность командира бригады и находился при штабѣ дивизіи. Временное командованіе полкомъ было возложено на того же полка полковника Быкова. Послѣдній былъ молодъ, очень энергиченъ и смѣлъ. Одновременно съ моимъ пріѣздомъ ему удалось весь полкъ объединить и поставить на позицію, гдѣ я частично обошелъ полкъ 18 іюля. Затѣмъ полковникъ Быковъ рѣшилъ освободиться отъ наиболѣе разлагающаго полкъ элемента. Съ этой цѣлью, находясь на позиціи, онъ вызвалъ всѣхъ агитаторовъ къ опредѣленному часу къ штабу полка, гдѣ имъ было приказано составить ружья

и оправиться. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за кустовъ вышла команда развѣдчиковъ и арестовала ихъ, примѣрно въ числѣ 30 человекъ. Всѣхъ ихъ полковникъ Быковъ, какъ ненадежный элементъ, отправилъ подъ конвоемъ въ тылъ изъ района полка и дивизіи. Конечно, эта мѣра многимъ не понравилась и ихъ соучастники затаили противъ командующаго полкомъ злобу.

19-го іюля я обошелъ позицію гвардіи 3 стрѣлковаго полка, 20 и 23 іюля произвелъ смотры гвардіи 2 Царскосельскому и 4 стрѣлковымъ полкамъ, стоявшимъ въ резервѣ. Послѣ смѣны съ позиціи я произвелъ смотры 30 іюля гвардіи 1 стрѣлковому полку и 31 іюля—гвардіи 3 стрѣлковому полку. Батареи мною навѣщались при обходѣ позицій.

Основная болѣзнь арміи выражалась въ утерѣ воинской дисциплины и чувства долга. Поспѣшное отступление арміи отъ Гарнополя и Калуша, часто переходившее въ позорное бѣгство, сопровождалось погромами и разбоями. Развалъ арміи и разнузданность солдатъ при этомъ особенно ярко сказались. Донесенія начальниковъ и комиссаровъ были переполнены фактами позорнаго бѣгства революціонныхъ войскъ и ихъ возмутительныхъ звѣрствъ по отношенію мирнаго населенія. Вся печать пестрѣла подробностями озвѣренія арміи; общественное мнѣніе было возмущено. По категорическому требованію командующаго Юго-западнымъ фронтомъ генерала Корнилова, поддержанному комиссарами Савинковымъ и Филоненко, Временное Правительство согласилось на возстановленіе военно-полевыхъ судовъ и смертной казни на фронтѣ. Генераль Корниловъ, вслѣдъ затѣмъ назначенный Верховнымъ Главнокомандующимъ, надѣялся использовать этотъ психологическій переломъ всеобщаго просвѣтленія умовъ для введенія въ армію нужныхъ мѣръ къ ея оздоровленію; этимъ моментомъ я надѣялся воспользоваться для возстановленія гвардейской стрѣлковой дивизіи.

Немедленно мною было приказано произвести въ полкахъ и артиллерійской бригадѣ выборы членовъ полевого суда отъ офицеровъ и стрѣлковъ, согласно временнымъ правиламъ. Несмотря на частичную оппозицію и искусственное затягиваніе выборовъ, мнѣ удалось провести выборы въ трехъ частяхъ дивизіи, что уже давало возможность собрать полевой судъ. Вскорѣ представилась необходимость для его примѣненія. Стрѣлокъ гвардіи 1 стрѣловаго полка попался въ разбоѣ, насильно отнявъ у сосѣдняго помѣщика съ оружіемъ въ рукахъ серебряный портсигаръ. За-

хваченъ онъ былъ съ поличнымъ при обстоятельствахъ, не вызывавшихъ ни малѣйшаго сомнѣнiя. Будучи мною преданъ военно-полевому суду, онъ по закону подлежалъ осужденiю отъ многолѣтней каторги до смертной казни включительно. Въ случаѣ вынесенiя судомъ смертнаго приговора было бы для общаго примѣра весьма полезнымъ приговоръ утвердить и его тутъ же разстрѣлять. Однако я сильно задумывался, кѣмъ и какъ я привелъ бы въ исполненiе смертный приговоръ, если бы таковой послѣдовалъ. Собранный при дивизii военно-полевой судъ изъ выбранныхъ офицеровъ и стрѣлковъ осудилъ подсудимаго къ пожизненной каторгѣ. Конечно я сильно сомнѣвался, чтобы онъ когда-нибудь увидалъ каторгу, и былъ увѣренъ, что его гдѣ-нибудь въ тылу выпустятъ. Но все же въ дивизii увидѣли, что полевой судъ не фикцiя и шутить съ нимъ опасно.

Во время обхода позицiи приходилось всячески призывать стрѣлковъ къ исполненiю долга, подбадривать ихъ личнымъ примѣромъ, внушать имъ уваженiе къ своимъ силамъ и спокойствiе въ отношенiи противника. Трусость стала зауриднымъ явленiемъ. Помню обходъ одной изъ ротъ гвардii 3 стрѣлковаго полка, расположенной вдоль берега рѣки Сбручъ, съ участками, частично заросшими кустами. Вдругъ выдвинутый впередъ стрѣлокъ-часовой прибѣгаетъ, испуганно восклицая, что наступаютъ нѣмцы. Мѣстность не давала возможности разглядѣть ближайшiе подступы и судить, насколько былъ вынужденъ его поспѣшный отходъ. Чувствуя обратное, я лично съ взводнымъ унтеръ-офицеромъ немедленно устремились впередъ, гдѣ убѣдились, что никакихъ нѣмцевъ нѣтъ. Струсившii стрѣлокъ былъ пристыженъ, высмѣянъ и вновь установленъ на свой постъ. При помощи усиленiя развѣдокъ, организации захвата плѣнныхъ, систематическаго укрѣпленiя своихъ позицiи и налаживанiя боевой службы части исподволь втягивались въ правильную боевую дѣятельность.

Смотры частей дивизii я началъ съ гвардii 2 стрѣлковаго Царско-сельскаго полка, которымъ я во время войны 1 годъ и 8 мѣсяцевъ командовалъ и среди котораго большая часть офицеровъ и часть стрѣлковъ служили подъ моимъ начальствомъ раньше и хорошо меня знали. По моему требованiю были приняты всѣ мѣры, чтобы полкъ внѣшне представился возможно лучше, чтобы стрѣлки были однообразно и возможно франтовато одѣты и пострижены. Полкъ представился довольно сносно. Я вызвалъ передъ строй служившихъ ранѣе со мною и обласкалъ ихъ.

Во время привѣтственной рѣчи я напомнилъ полку о его былой боевой славѣ, подчеркнул важное значеніе офицеровъ, ведущихъ ихъ въ бой, руководящихъ ихъ дѣйствіями и заботящихся о ихъ нуждахъ, призывалъ всѣхъ къ выполнению своего долга передъ родиной и къ поддержанію строжайшей дисциплины. Далѣе, приведя нѣсколько отрицательныхъ случаевъ упадка дисциплины, я, какъ на иллюстрацію, указалъ, что накануне наткнулся на роту того же полка, которая сидѣла въ рощѣ, и гдѣ большинству не пришлось въ голову подняться ни при моемъ хожденіи среди нихъ, ни даже при обращеніи лично къ нимъ съ привѣтствіемъ. Я подчеркнул всю недопустимость такого толкованія свободъ революціи, напомнилъ имъ, что посѣщеніе ротъ и командъ я совершаю исключительно по долгу службы, а потому, согласно закону, всякій первый, замѣтившій меня, долженъ подать команду „смирно“, а старшій и дежурный подойти ко мнѣ съ рапортами. Затѣмъ, приказавъ скомандовать „на-караулъ“, я провозгласилъ „ура“ въ честь полка, стоя самъ вытянувшись въ струнку, пока музыка играла полковой маршъ. Конечно, передо мною стоялъ уже не прежній полкъ; многіе стрѣлки небрежно держали винтовки и вертѣлись по сторонамъ. По окончаніи церемоніала, по подачѣ команды „къ ногѣ“, я со всей начальствующей авторитетностью обрушился на стрѣлка, наиболѣе вертѣвшагося, упрекнувъ его въ неуваженіи къ полку, въ честь котораго весь полкъ и я, начальникъ дивизіи, стоимъ на вытяжку. Мой властный окрикъ замѣтно отразился на внѣшней выправкѣ полка; во время послѣдовавшихъ перестроеній къ церемоніальному маршу и прохожденія полка мимо меня чувствовалось, что люди сильно подтянулись и старались заслужить мое одобреніе. Послѣ смотра я принималъ отдѣльно полковой комитетъ, который обѣщалъ мнѣ полную поддержку въ моихъ начинаніяхъ. Я слышалъ затѣмъ отъ офицеровъ, что послѣ моего смотра полка нельзя было узнать, что стрѣлки при прохожденіи офицеровъ усиленно привѣтствовали ихъ и оказывали имъ должное внѣшнее уваженіе, въ чемъ я и лично убѣждался, проходя по расположенію полка.

Вообще проявленіе солдатами внѣшняго уваженія къ офицерамъ играетъ громадную роль въ вопросахъ воинской дисциплины. Хотя отдачіе чести и было отмѣнено, но при обращеніи начальника къ подчиненному послѣдній долженъ былъ прикладывать руку къ головному убору и отвѣчать съ должнымъ уваженіемъ. Пользуясь этимъ, я при встрѣчѣ

отдѣльныхъ стрѣлковъ, не отдававшихъ мнѣ чести, вытягивался и громко привѣтствовалъ ихъ. Большею частью въ отвѣтъ на это стрѣлки вскакивали, вытягивались и взаимно привѣтствовали меня. Но бывали случаи, когда нѣкоторые позволяли себѣ небрежно отвѣчать мнѣ, продолжая сидѣть или лежать. Въ этихъ случаяхъ я уже строго отчитывалъ потерявшего воинскій обликъ стрѣлка, указывая, что я, генералъ, начальникъ дивизіи, его первымъ привѣтствую, а онъ такой сякой и т. д.

Въ общемъ всѣ мои дѣйствія были строго законны съ тѣмъ лишь оттѣнкомъ, что я не налагалъ на себя излишнихъ ограниченій, не предусмотрѣнныхъ закономъ, и боролся противъ захвата солдатской массой моей власти, какъ начальника, на что бывали постоянныя покушенія. Въ частности помню, что передъ смотромъ гвардіи 3 стрѣлковаго полка командующій полкомъ присылалъ ко мнѣ офицера, члена полковаго комитета, для предупрежденія, что въ полку требованіе прохожденія церемоніальнымъ маршемъ считаютъ незаконнымъ и что онъ не увѣренъ, пойдетъ ли полкъ церемоніальнымъ маршемъ. Я указалъ, что церемоніальный маршъ не былъ отмененъ и что всѣ мои требованія обоснованы закономъ, а потому должны быть выполнены. Всякія же неправильныя мои дѣйствія полкъ можетъ обжаловать въ дивизионномъ комитетѣ, а въ случаѣ разногласія со мною дивизионнаго комитета — въ корпусномъ комитетѣ и т. д. Въ назначенный для смотра день гвардіи 3 стрѣлковый полкъ представился не хуже другихъ и прошелъ церемоніальнымъ маршемъ безъ всякихъ заминокъ.

Вожаки въ частяхъ крайне ревниво оберегали свои мнимыя свободы и въ каждомъ самомъ невинномъ дѣйствіи начальника искали скрытое покушеніе на завоеванія революціи. Все это немедленно наименовывалось контръ-революціей и старымъ режимомъ. Подозрительность и недоувѣріе къ офицерскому составу часто доходили до смѣшного. Самымъ зауряднымъ было обвиненіе въ измѣнѣ и открытіи фронта нѣмцамъ. Командующій 7-й арміей, генералъ Селивачевъ, однажды предпринялъ полетъ на аэропланѣ для ознакомленія съ нѣмецкими позиціями, а про него распростули слухъ, что онъ леталъ, чтобы сигнализировать нѣмцамъ и указать мѣста для прорывовъ. Не было столь нелѣпыхъ слуховъ, которымъ не вѣрили бы. Этимъ широко пользовались агитаторы для подрыва авторитета начальниковъ. Возможность распространенія подобныхъ нелѣпыхъ слуховъ объ измѣнѣ указываетъ, что хотя армія воевать не хотѣла и

часто открыто это проявляла, все же было еще много элементов, которые считали открытие фронта нѣмцамъ зазорнымъ. Таково, несомнѣнно, было настроеніе многихъ старыхъ солдатъ. Были, конечно, и такіе, которые въ открытіи фронта видѣли лишь угрозу установившейся вакханаліи и опасность возстановленія монархіи и связаннаго съ ней порядка.

Выше мною указывалось, что послѣ позорнаго бѣгства изъ-подъ Тарнополя и Калуща насталь несомнѣнно подходящій психологическій моментъ для обузданія разнузданныхъ элементовъ въ арміи и для возстановленія въ ней дисциплины и боеспособности. Для этого требовалось немедленное, честное и настойчивое проведеніе въ жизнь требованій, предъявленныхъ генераломъ Корниловымъ при принятіи имъ должности Верховнаго Главнокомандующаго. Къ сожалѣнію, этого не было. Командный составъ не поддерживался должнымъ образомъ комиссарами и въ арміи это очень скоро почувствовали. Неискренность Керенскаго въ своихъ переговорахъ съ Корниловымъ быстро докатилась до фронта. Разлагающіе армію элементы вновь получили увѣренность въ безнаказанности своихъ дѣйствій и снова почувствовали почву подъ ногами.

Совокупность принятыхъ мною мѣръ стала давать результаты и общее впечатлѣніе было таково, что дивизія за короткое время замѣтно подтянулась и подбодрилась. Но все это было мишурнымъ и вскорѣ мнѣ лишній разъ пришлось убѣдиться въ эфемерности власти начальника.

Послѣ смотра гвардіи 1 стрѣлковаго полка я, какъ и въ другихъ полкахъ, созвалъ весь полковой комитетъ, поздоровался за руку со всѣми членами комитета, сказалъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и просилъ оказать содѣйствіе мнѣ и офицерамъ въ поднятіи дисциплины и боеспособности части. Сначала все шло хорошо и члены комитета мнѣ дружно поддакивали. Вдругъ одинъ унтеръ офицеръ въ дерзкой формѣ заявилъ мнѣ, что моя строгая отповѣдь одного стрѣлка передъ полкомъ за небрежное и распушенное стояніе въ строю во время провозглашенной въ честь полка здравицы незаконна и не соотвѣтствуетъ революціонной свободѣ. Тутъ же я выяснилъ, что протестующій стрѣлокъ недавно прибылъ изъ запаснаго батальона изъ Царскаго Села и какъ ловкій агитаторъ уже успѣлъ пройти сначала въ ротный, а затѣмъ въ полковой комитеты. За проявленную дерзость надо было этого наглеца немедленно арестовать, но я чувствовалъ, что этого дѣлать нельзя. Не желая вступить съ нимъ въ пререканія, я лишь официалъно обратилъ вниманіе

командующаго полкомъ на этого совершенно „несознательнаго товарища“, которому еще надо разъяснить смыслъ свободы революціонной арміи, и оборвалъ дальнѣйшій разговоръ. Въ сущности, мнѣ открыто въ лицо былъ брошенъ вызовъ, и въ душѣ я сознавалъ, что у меня нѣтъ средствъ отпарировать его. Оставалось лишь произносить громкія слова и малоубѣдительныя рѣчи. Оставшись ужинать съ офицерами, я предупреждалъ полковника Быкова о крайней опасности въ лицѣ этого типа, но онъ надѣялся, что справится съ нимъ. Это, какъ я говорилъ, имѣло мѣсто 30-го іюля.

1-го августа гвардейская стрѣлковая дивизія продолжала занимать позиціи по рѣкѣ Збручъ въ Подольской губерніи. Гвардіи 2 Царскосельскій и 4-й стрѣлковые полки находились на позиціи, а гвардіи 1-й и 3-й стрѣлковые полки были въ дивизионномъ резервѣ. Стояла великолѣпная погода. Послѣ ужина мы въ штабѣ сидѣли на балконѣ помѣщичьяго дома въ Чемеровцахъ и наслаждались чуднымъ вечеромъ. Въ воздухѣ была особая мягкость, располагающая къ отдыху и бездѣлю. Полная луна своимъ феерическимъ свѣтомъ направляла мысли къ мечтамъ легкимъ и воспоминаніямъ пріятнымъ. Въ двѣнадцатомъ часу мы большею частью разошлись спать. Никому не приходило въ голову, что сейчасъ въ двухъ верстахъ отъ насъ разыгралась жестокая драма.

Между тѣмъ въ это время были измѣнически убиты своими солдатами два достойнѣйшихъ офицера: командующій гвардіи 1 стрѣлковымъ полкомъ полковникъ Владиміръ Михайловичъ Быковъ и командующій 2 баталіономъ того же полка капитанъ Александръ Сергѣевичъ Колобовъ.

Эти печальныя свѣдѣнія стали выясняться въ слѣдующей послѣдовательности. Вскорѣ послѣ полуночи меня разбудилъ начальникъ штаба дивизіи полковникъ Шишкинъ и доложилъ, что изъ 1 полка передали по телефону, что командующій полкомъ полковникъ Быковъ застрѣлился, но подробностей никакихъ не сообщили. Мнѣ сразу это показалось крайне подозрительнымъ, такъ какъ наканунѣ я видѣлъ полковника Быкова веселымъ, жизнерадостнымъ и очень заинтересованнымъ въ сдѣланномъ мною представленіи объ утвержденіи его въ должности командира гвардіи 1 стрѣлковаго полка. Черезъ нѣкоторое время стало извѣстно, что въ полку былъ арестованъ подъ видомъ шпіона врачъ Кригъ, передового перевязочнаго отряда Краснаго Креста имени Родзянко, что въ связи съ этимъ произошли безпорядки, при усмиреніи которыхъ сверхъ того не

то убить, не то застрѣлился командующій 2 баталіономъ того же полка капитанъ Колобовъ.

Немедленно по полученіи извѣстій о беспорядкахъ въ полку полковникъ Крейтонъ, исполнявшій должность командира бригады и находившійся при штабѣ дивизіи, обратился ко мнѣ по собственному почину съ просьбой о разрѣшеніи вернуться ему въ полкъ для возстановленія тамъ возможнаго порядка. По прибытіи въ полкъ полковникъ Крейтонъ былъ лишень возможности непосредственно подробно донести мнѣ по телефону о происшедшемъ и только позже ночью прислалъ для доклада офицера изъ штаба полка, котораго сопровождали нѣсколько стрѣлковъ, въ качествѣ депутатовъ и соглядатаевъ. Изъ доклада присланнаго офицера, связаннаго присутствіемъ стрѣлковъ, истинной картины узнать не удалось, но было ясно, что въ полку произошли крупныя беспорядки. На слѣдующее утро я предполагалъ самъ поѣхать въ полкъ и присутствовать на панихидѣ по убиеннымъ, но полковникъ Крейтонъ очень просилъ этого не дѣлать, такъ какъ въ полку возбуденіе еще слишкомъ велико и панихиды служить нельзя. Срочно вызванный изъ штаба корпуса военный слѣдователь утромъ слѣдующаго дня не былъ допущенъ въ полкъ для производства слѣдствія. Одновременно я велъ усиленные переговоры съ штабомъ корпуса о высылкѣ мнѣ какой-нибудь части въ сопровожденіи комиссара или членовъ корпуснаго комитета, которые помогли бы мнѣ возстановить въ полку порядокъ. Около двухъ часовъ дня прибыли ко мнѣ два офицера 1 полка, которыхъ полковникъ Крейтонъ незамѣтно выслалъ изъ полка, боясь новыхъ эксцессовъ и которые подробнѣе доложили о всемъ происшедшемъ. Черезъ нихъ выяснилось, что бунтъ въ полку продолжается, что тѣла убитыхъ офицеровъ бунтующіе не выдаютъ, и что полковникъ Крейтонъ умоляетъ меня безъ вооруженной силы не показываться въ полку, такъ какъ онъ ни за что не можетъ поручиться.

Находясь съ дивизіей на боевой позиціи, я своими силами не могъ подавить бунтъ въ полку, въ виду чего я рѣшилъ съ присланными офицерами 1 полка срочно съѣздить къ командиру корпуса и просить его объ ускореніи присылки какихъ-нибудь силъ для водворенія порядка въ полку. Въ штабѣ корпуса я убѣдился, что никакихъ средствъ мнѣ дать не могутъ, а въ лицѣ прибывшаго вскорѣ комиссара арміи я встрѣтилъ человѣка, предубѣжденнаго противъ команднаго состава вообще и ищущаго

шаго причины беспорядковъ не въ разлагающей системѣ, а въ персональ-ныхъ винахъ офицеровъ, не умѣющихъ вліять на солдатъ.

Руководствуясь приказомъ главнокомандующаго о возстановленіи военно-полевыхъ судовъ и смертной казни на фронтѣ, я рассчитывалъ на общую и радикальную перемѣну курса во Временномъ Правительствѣ и среди его представителей — комиссаровъ арміи. Въ связи съ этимъ я предъявилъ офицерамъ дивизіи рядъ требованій по возстановленію дисциплины въ частяхъ. Въ такомъ же духѣ я докладывалъ командиру 7-й арміи и командиру 2-го гвардейскаго корпуса передъ вступленіемъ въ командованіе дивизіей. При первомъ же преступномъ нарушеніи дисциплины я оказался изолированнымъ, безсильнымъ и неспособнымъ защитить подчиненныхъ мнѣ офицеровъ. Могъ ли я при такихъ условіяхъ въ дальнѣйшемъ принести дивизіи какую-либо пользу? Предъявлять своимъ подчиненнымъ серьезныя требованія я не считалъ себя болѣе вправѣ, только поддакивать толпѣ и подлаживаться подъ ея настроенія и тѣмъ способствовать дальнѣйшему развалу арміи я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Въ виду означеннаго, я просилъ командира корпуса генерала Вирановскаго о моемъ отчисленіи въ резервъ чиновъ Петроградскаго военнаго округа. Взамѣнъ меня былъ назначенъ на должность начальника дивизіи бывший ранѣе командиръ лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества полка генераль маіоръ Левстремъ, который недѣли черезъ три-четыре также былъ вынужденъ сдать дивизію.

Вся подкладка волненій въ 1 полку несомнѣнно заключалась въ томъ, что его стали подтягивать и понемногу приучать къ порядку. Это, конечно, не нравилось большевикамъ, ставленники которыхъ уже начали всюду проникать, и которые систематически стремились къ полному развалу старой арміи. Временное же Правительство со своими комиссарами не хотѣло этого понять и надѣялось всего достигнуть половинчатыми и колеблющимися мѣрами.

Въ штабъ 7-й арміи я прибылъ 3 августа и встрѣтилъ со стороны командующаго арміей генерала Селивачева полное пониманіе. Послѣдній усиленно воевалъ со своимъ комиссаромъ и безъ стѣсненія говорилъ ему правду въ глаза. Только 4 августа комиссаръ арміи поѣхалъ въ 1 полкъ. Онъ съ мѣста, съ революціонной точки зрѣнія незаконно, накричалъ на стрѣлковъ, что они въ присутствіи его, правительственнаго комиссара, не встаютъ, говорилъ рѣчи и въ сущности ничего не добился. Слѣдствіе

производить они не допустили и не только уби́иць, но и тѣла убитыхъ офицеровъ не выдали. Я комиссару совѣтоваль дѣйствовать энергично — окружить полкъ, потребовать выдачи зачинщиковъ, а если таковое не послѣдуетъ, обстрѣлять артиллеріей. На такія мѣропріятія онъ не рѣшился. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссару арміи очень хотѣлось найти незаконность въ моихъ распоряженіяхъ, якобы вызвавшихъ беспорядки. А потому, 5 августа, въ присутствіи представителя судебной власти штаба арміи онъ мнѣ сдѣлалъ допросъ, но, ознакомившись съ моими распоряженіями, немедленно долженъ былъ отказаться отъ всякихъ обвиненій лично противъ меня.

Въ поясненіе своихъ распоряженій мною былъ представленъ командующему 7-й арміей рапортъ, отъ 4 августа 1917 года за № 123, слѣдующаго содержания:

Начальникъ гвардейской
стрѣлковой дивизіи
генералъ-маіоръ Верцинскій.

Командующему 7-ой арміей.

4 августа, 1917 г.

№ 123.

Штабъ 7-й арміи.

Р А П О Р Т Ъ.

Въ объясненіе отданнаго мною приказа по гвардейской стрѣлковой дивизіи, отъ 1 августа с. г. за № 105, имѣю доложить слѣдующее:

Въ телеграммѣ Наштаюз отъ 13/VII за № 4065 въ пунктѣ 3-мъ указывалось: „Скотъ и лошадей отгонять съ собой, **посѣвы и снятый урожай жечь** и ни въ коемъ случаѣ не оставлять противнику“.

Въ телеграммѣ Главкоюз за № 4361, объявленной въ приказаніи по 2 гвардейскому корпусу отъ 25 іюля с. г. за № 128, въ п. 6 сказано: „Вмѣстѣ (съ) отходомъ армій должны быть эвакуированы весь рогатый скотъ и всѣ лошади, **снятый урожай надлежитъ сжигать** для чего **особо назначенныя команды** должны получить **инструкціи заблаговременно** и дѣлать поджоги лишь одновременно (съ) отходомъ нашихъ арріергардовъ“.

Въ приказѣ по 2 гвардейск. корпусу отъ 26 іюля с. г. за № 117 (полученъ въ штабѣ 29-30 іюля) былъ указанъ

порядокъ заготовки фуража и продуктовъ (въ томъ числѣ зерна для хлѣба) собственнымъ попеченіемъ войсковыхъ частей въ своихъ районахъ.

30 іюля вечеромъ въ штабъ корпуса вызывался начальникъ штаба дивизіи, гдѣ ему было указано на нѣкоторую тревожность и шаткость на Румынскомъ фронтѣ близъ Окна, при чемъ было извѣстно изъ нѣмецкихъ радіограммъ, что нѣмцы одновременно у насъ взяли болѣе 7 тысячъ плѣнныхъ. Въ связи съ этимъ ставились нѣкоторыя активныя задачи корпусу для задержанія противъ себя нѣмецкихъ силъ.

Днемъ 31 іюля была получена слѣдующая телеграмма отъ командира 2 гвардейск. корпуса: **„Категорически требую, чтобы въ теченіе двухъ дней былъ снятъ весь хлѣбъ въ дивизионномъ тыловомъ районѣ до рѣки Смотричъ. Для чего для снятія урожая до рѣки Жванчикъ назначить спеціальныя воинскія команды отъ полковъ, допускаемая боевой обстановкой, а далѣе до рѣки Смотричъ назначить команды отъ всѣхъ тыловыхъ учреждений и обозовъ дивизіи, также требуя принять самыя энергичныя мѣры противъ расхищенія урожая вплоть до наряда особыхъ охранительныхъ войсковыхъ отрядовъ по Вашему усмотрѣнію. Объ исполненіи донести. № 03856. Вирановскій“.**

Такъ какъ порядокъ эксплуатаціи мѣстныхъ средствъ только что былъ подробно объявленъ въ приказѣ по корпусу отъ 26 іюля за № 117, то телеграмма 03856 отъ 31 іюля съ **категорическимъ требованіемъ** убрать весь **хлѣбъ въ два дня** была мною понята какъ необходимость принятія энергичныхъ мѣръ по подготовкѣ тыла въ интендантскомъ отношеніи на случай всегда возможнаго отхода при неустойчивости нашихъ войскъ въ послѣднее время.

На собранномъ мною 16 іюля совѣщаніи представителей полковыхъ комитетовъ (по 3 отъ полка и артиллерійской бригады) въ числѣ другихъ вопросовъ былъ поднятъ членомъ комитета гвардіи 2 стрѣлковаго Царскосельскаго полка вопросъ о необходимости принятія заблаговременныхъ мѣръ на случай отхода и уничтоженія мѣстныхъ средствъ, такъ какъ неорганизованность въ этомъ дѣлѣ ведетъ къ полному произволу и способствуетъ грабежамъ, каковыми изобиловали наши послѣдніе отходы. Въ связи съ этимъ мною еще ранѣе отдано словесное приказаніе дивизионному интенданту о составленіи описей мѣстнаго скота и лошадей.

Для разработки вопроса крайне спешной двухдневной уборки хлѣба было 31 іюля собрано при штабѣ дивизіи совѣщаніе дивизионнаго интенданта и начальниковъ хозяйственныхъ частей всѣхъ полковъ, артиллеріи и всѣхъ тыловыхъ учреждений. Выработанныя на этомъ совѣщаніи соображенія и вылились въ прилагаемомъ за № 105 приказѣ по дивизіи. Въ частности было рѣшено пункты складовъ собраннаго хлѣба опредѣлить по соглашенію съ мѣстными сельскими комитетами, устроивъ ихъ въ сторонѣ отъ построекъ на случай уничтоженія, **„въ случаѣ неожиданнаго отхода, который не предполагень“**.

Принятыми мѣрами предполагалось подготовить тылъ дивизіи на случай всегда возможнаго отхода въ интендантскомъ отношеніи точно также, какъ въ инженерномъ отношеніи подготавливаются тыловыя позиціи, которыя, конечно, могутъ заниматься только въ случаѣ отхода. Кромѣ того болѣе скученное расположеніе мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ должно было облегчить ихъ эксплуатацію въ будущемъ нашимъ интендантствомъ. Одновременно при приказѣ № 105 объявлялись правительственныя нормы хлѣбовъ, которыя не подлежатъ отчужденію и оставляются населенію на прокормъ и обсѣменение.

Казалось бы принятія въ приказѣ № 105 мѣропріятія строго вытекали изъ ранѣе отданныхъ распоряженій и не должны были вызвать особыхъ затрудненій.

Деревня Теремковцы по западному берегу рѣки Жванчикъ была назначена для оказанія помощи по сбору хлѣба средствами гвардіи 1-го стрѣлковаго полка, по восточному берегу—передового перевязочнаго отряда Краснаго Креста имени Родзянко.

Вечеромъ 1-го августа представитель отряда Родзянки докторъ Кригъ, ведшій переговоры о содѣйствіи въ уборкѣ хлѣба съ сельскимъ комитетомъ дер. Теремковцы, былъ арестованъ стрѣлками 1-го полка, какъ агитаторъ и шпионъ, несмотря на наличіе при немъ соотвѣтствующихъ удостовѣреній личности и приказа по дивизіи № 105.

Въ полковомъ комитетѣ, куда былъ приведенъ арестованный докторъ Кригъ, командовавшимъ гвардіи 1-мъ стрѣлковымъ полкомъ полковникомъ Быковымъ была разъяснена личность доктора Кригъ, котораго полковникъ Быковъ лично зналъ. Требованіе полковника Быкова объ освобожденіи доктора Кригъ, къ каковому присоединился и

полковой комитетъ, собравшейся толпой солдатъ исполнено не было; въ виду настойчивыхъ требованій солдатъ объ оставленіи доктора Кригъ въ полку подъ арестомъ полковникъ Быковъ былъ вынужденъ согласиться на оставленіе доктора Кригъ подъ арестомъ до утра въ расположеніи 7-й роты. На другой день докторъ Кригъ былъ освобожденъ.

Такимъ образомъ солдаты полка сразу отказались подчиниться требованіямъ командира полка и своего полкового комитета, а, пользуясь темнотой, нѣкоторые ораторы полка возбуждали солдатъ противъ полковника Быкова, старавшагося внести порядокъ и дисциплину въ полкъ, другіе, чтобы внести побольше сумятицы, кричали, что нѣмцы прорвали фронтъ, что насъ атакуетъ нѣмецкая кавалерія и т. п., какъ это имѣло мѣсто въ 3-мъ батальонѣ полка.

Со словъ гвардіи 1-го стрѣлковаго полка штабсъ-капитана барона Будберга, послѣ ухода солдатъ съ арестованнымъ докторомъ Кригъ полковникъ Быковъ продолжалъ сидѣть въ избѣ съ полковымъ комитетомъ, имѣя вокругъ себя подъ окнами возбужденную толпу солдатъ, выкрикивавшихъ разныя угрозы по адресу полковника Быкова. По имѣющимся свѣдѣніямъ полковникъ Быковъ пытался уйти изъ избы, стараясь бѣжать черезъ кукурузное поле, но былъ остановленъ вооруженной толпой и убитъ, или подъ угрозой быть убитымъ застрѣлился самъ, что въ концѣ концовъ дѣлаетъ мало разницы. Капитанъ Колобовъ самоотверженно вышелъ умирять и успокаивать солдатъ, и также былъ убитъ ими.

Считаю, что возмущеніе среди солдатъ гвардіи 1-го стрѣлковаго полка съ убійствомъ командующаго полкомъ полковника Быкова и командующаго 2-мъ батальономъ капитана Колобова явилось послѣдствіемъ систематическаго униженія и дискредитированія офицерскаго достоинства, полной безнаказанности солдатъ и утери арміей даже слабыхъ признаковъ дисциплины. Приказъ по дивизіи № 105 никакого значенія для этого не имѣлъ и былъ использованъ зловредными элементами какъ поводъ, каковыхъ всегда легко найти при желаніи.

Генераль-маіоръ Верцинскій.

П Р И К А З Ъ

Гвардейской стрѣлковой дивизіи.

Ф. Чемеровцы.

№ 105.

1 августа 1917 г.

При семъ объявляю телеграмму командира 2-го гвардейскаго корпуса: „Начдив 3 гв. и гв. стрѣлк. Категорически требую, чтобы въ теченіе двухъ дней были сняты весь хлѣбъ въ дивизионномъ тыловомъ районѣ до рѣки Смотричь. Для чего для снятія урожая до р. Жванчикъ назначить спеціальныя воинскія команды отъ полковъ, допускаемая боевой обстановкой, а далѣе до р. Смотричь назначить команды отъ всѣхъ тыловыхъ учреждений и обозовъ дивизіи, также требую принять самыя энергичныя мѣры противъ расхищенія урожая вплоть до наряда особыхъ охранительныхъ войсковыхъ отрядовъ по Вашему усмотрѣнію. Объ исполненіи донести. № 03856. Вирановскій“.

Во исполненіе изложенной телеграммы приказываю для уборки хлѣба районъ дивизіи распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1. Районъ отъ рѣки Сбручь до рѣки Жванчикъ убирается непосредственно полками дивизіи, по усмотрѣнію командировъ полковъ и распоряженіемъ начальниковъ хозяйственной части, именно:

а) Д.д. Бондаревка, Криковъ и Теремковцы, по западному берегу рѣки Жванчикъ, гвардіи 1 стрѣлковымъ полкомъ;

*)

2. Районъ отъ р. Жванчикъ до р. Смотричь убирается слѣдующими частями и учреждениями:

а) д. Теремковцы, по восточному берегу рѣки Жванчикъ, Передовымъ перевязочнымъ отрядомъ Краснаго Креста имени Родзянки.

*)

*) Перечисленія районовъ, войсковыхъ частей и тыловыхъ учреждений.

Для успѣшнаго выполненія работъ по уборкѣ хлѣба частямъ и учрежденіямъ войти въ сношеніе съ соответствующими сельскими комитетами.

Уборка должна производиться мѣстнымъ населеніемъ, отъ частей же и учрежденій должны быть назначены команды и подводы для помощи населенію. Пункты складовъ собраннаго хлѣба опредѣлить по соглашенію съ тѣми же комитетами, устроивъ ихъ въ сторонѣ отъ построекъ на случай уничтоженія, въ случаѣ неожиданнаго отхода, который не предполагенъ. Къ этимъ складамъ отъ частей и учрежденій надлежитъ выставить караулы для охраны хлѣба отъ расхищенія.

Подробныя указанія даны начальникамъ хозяйственныхъ частей.

Объ исполненіи произведенныхъ работъ донести.

Послѣ уборки хлѣба слѣдуетъ приступить къ эксплуатаціи указанныхъ раіоновъ, руководствуясь приказомъ по 2 гвард. корпусу отъ 26 іюля с. г. за № 117, обязательнымъ постановленіемъ Главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ отъ 8 іюля с. г. (которые уже разосланы во всѣ части и учрежденія дивизіи) и выпиской изъ постановленія Временнаго Правительства отъ 30 марта с. г.

Приложеніе: Выписка изъ постановленія Временнаго Правительства отъ 30 марта сего 1917 года, приложение 1 къ отд. 1 пункты 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

Подлинный подписалъ:

Командующій дивизіей,
генераль-маіоръ Верцинскій.

Вѣрно: И. д. начальника штаба,
Полковникъ Шишкинъ.

Въ дополненіе къ изложенному привожу выписки изъ полученнаго мною внослѣдствіи письма отъ офицера гвардіи 1 стрѣлковаго полка, бывшаго во время убійства адъютантомъ при командирѣ 2-го гвардейскаго корпуса, генералѣ Вирановскомъ, и находившагося въ курсѣ всѣхъ событій въ полку.

Полковникъ Быковъ, собравъ полковой комитетъ, сталъ его послѣ долгихъ преній склонять къ освобожденію доктора Кригъ. Во время засѣданія, происходившаго вечеромъ, изба была окружена толпою протее-

стюющихъ стрѣлковъ, главнымъ образомъ 2-го баталіона. Услышавъ гулъ толпы и протесты, полковникъ Быковъ вышелъ на крыльцо избы и приказалъ стрѣлкамъ разойтись. Они не только не исполнили этого приказанія, но еще громче загудѣли. Тогда полковникъ Быковъ пригрозилъ вызвать пулеметную команду для разгона неповинующейся толпы. Этимъ видимо воспользовались руководители бунта. Полковнику Быкову и подоспѣвшему ему на помощь капитану Колобову было нанесено около 15 штыковыхъ ранъ. Остальные офицеры, почти сплошь состоявшіе изъ прапорщиковъ, не могли ничего сдѣлать съ разбушевавшеюся стихіей. Тѣла убитыхъ были выброшены на берегъ рѣки и въ теченіе ночи и ближайшихъ дней подвергались оскорбленіямъ со стороны толпы стрѣлковъ, плясавшей, игравшей на гармоникахъ и т. п.

Полковнику Крейтону, вступившему послѣ убійства вновь въ командованіе полкомъ, только черезъ нѣсколько дней удалось черезъ полковой комитетъ уговорить солдатъ выдать тѣла убитыхъ. Они были перевезены въ дивизионный лазаретъ, гдѣ была отслужена панихида, послѣ которой ихъ отправили въ Царское Село. Во время панихиды появились стрѣлки, демонстративно не снимая фуражекъ и отплеываясь въ сторону гробовъ. Конечно все это продѣлывалось безнаказанно.

Одновременно комитетъ запаснаго баталіона полка въ Царскомъ Селѣ постановилъ воспретить привозъ останковъ „враговъ революціи“ въ полковую церковь и похороны убитыхъ на полковомъ кладбищѣ. Тѣмъ не менѣе, минуя полковую церковь, удалось жертвы „безкровной революціи“ предать землѣ рядомъ съ ихъ доблестными полковыми товарищами, павшими въ бояхъ.

На требованіе начальства о необходимости примѣненія строгихъ наказаній къ зачинщикамъ слѣдовали многорѣчивыя телеграммы Керенскаго о недопустимости въ свободной арміи подобной расправы солдатами и угрозы примѣненія самыхъ строгихъ мѣръ. Такъ продолжалось болѣе недѣли. Наконецъ послѣ долгихъ совѣщаній, было рѣшено, подъ видомъ перехода дивизіи въ другой районъ расположенія, окружить отрядомъ казаковъ на большомъ привалѣ гвардіи 1 стрѣлковый полкъ, обезоружить его и потребовать выдачи зачинщиковъ. Диспозиція для походнаго движенія была такъ составлена, чтобы другія части дивизіи шли въ большомъ отдаленіи отъ подлежащаго экзекуціи полка, и чтобы они не могли ему оказать содѣйствіе при разоруженіи.

Когда наступилъ день перехода дивизіи въ другой районъ, то всѣ части дивизіи не охотно исполнили приказъ. Деревни были удобны въ смыслѣ расквартированія и стрѣлки говорили, что не къ чему ихъ мѣнять. Все же послѣ долгихъ уговоровъ удалось дивизию сдвинуть и части выступили.

Гвардіи 1 стрѣлковый полкъ былъ остановленъ на большомъ привалѣ въ лощинѣ у шоссе, не доходя моста. Стали раздавать пищу. Неожиданно полкъ былъ окруженъ бригадой казаковъ съ батареей. Начальникъ отряда потребовалъ сдачи оружія къ мосту на шоссе и выдачи зачинщиковъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, прекращенныхъ очередью шрапнелей съ высокими разрывами по бунтовщикамъ, полкъ повиновался. Сдали оружіе и выдали чловѣкъ 15-20 зачинщиковъ, отправленныхъ въ штабъ арміи для содержанія подъ арестомъ, слѣдствія и суда. Послѣдняго не было. Черезъ нѣкоторое время полку было возвращено оружіе и онъ продолжалъ доживать свое существованіе, подобно прочимъ частямъ. Съ воцареніемъ большевиковъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и убійць былъ выбранъ на должность командира гвардіи 1 стрѣлковаго полка.

8-го августа я представился генералу Корнилову въ Ставкѣ и подробно доложилъ о безправномъ положеніи командныхъ лицъ. Въ это время Корниловъ усиленно велъ переговоры о проведеніи ряда мѣръ для оздоровленія арміи, при видимомъ сочувствіи военнаго министра Савинкова, и сильно надѣялся на успѣшность ихъ прохожденія. Къ сожалѣнію, Керенскій не понялъ благородныхъ порывовъ Корнилова, а самъ не былъ способенъ подняться выше вопросовъ личнаго самолюбія и интересовъ сохраненія за собою власти. Въ поѣздѣ изъ Ставки въ Петроградъ я ѣхалъ въ одномъ купе съ социаль революціонеромъ Фонвизиномъ, помощникомъ военнаго комиссара Филоненко при Главнокомандующемъ. Въ отвѣтъ на нападки на Керенскаго, Фонвизинъ сказалъ мнѣ, что Керенскій уже выдохся и что сами социаль-революціонеры рѣшили его замѣнить Савинковымъ, при чемъ изъ его разговора вытекало, что Савинковъ и Филоненко вполне сочувствуютъ предполагаемымъ мѣропріятіямъ Корнилова.

Несмотря на явную несостоятельность Керенскаго, онъ еще послѣ корниловскаго выступленія даже среди военныхъ находилъ себѣ сторонниковъ. Горячо заступался за него честнѣйшій, но увлекающійся генераль князь Георгій Николаевичъ Тумановъ, бывшій во время революціи по-

мощникомъ военнаго министра и звѣрски убитый при большевицкомъ переворотѣ; незадолго до октябрьскаго переворота мнѣ пришлось слышать убѣжденную защиту Керенскаго изъ устъ генерала Баградуни, начальника штаба Петроградскаго военнаго округа въ дни переворота.

Служба въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба.

Въ январѣ 1918 года началось всеобщее увольненіе изъ резерва чиновъ Петроградскаго военнаго округа. Помимо лишенія содержанія для меня это еще было связано съ квартирными затрудненіями, такъ какъ я сохранялъ за собою казенную квартиру въ Проходящихъ казармахъ, а съ потерей службы предстояло ее немедленно оставить.

Послѣднія воспоминанія о службѣ въ революціонной арміи, полное безправіе офицеровъ вообще, а начальниковъ въ частности оставили во мнѣ такой горькій осадокъ, что я не думалъ болѣе о продолженіи военной службы. Однако всѣ мои попытки найти частную службу не могли увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ все сокращалось и закрывалось.

Во второй половинѣ января 1918 г. мнѣ было сдѣлано предложеніе занять должность 1-го оберъ-квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго штаба. Это меня лично, главнымъ образомъ, тѣмъ устраивало, что для меня разрѣшался квартирный вопросъ. Мало мальски подходящую частную квартиру я никакъ не могъ себѣ найти, а безъ службы въ военномъ вѣдомствѣ приходилось оставлять казенную. Конечно, мнѣ не улыбалось быть хотя бы въ косвенномъ подчиненіи у большевиковъ. Но съ одной стороны еще продолжалась война съ нѣмцами, съ другой—въ то время власть большевиковъ казалась скоропреходящей и, какъ мнѣ было извѣстно, въ службу Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба они почти не вмѣшивались. Начавшееся позже формированіе Красной арміи шло тоже помимо и внѣ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, во всякомъ случаѣ за время моей службы въ Штабѣ.

31 января 1918 года состоялось мое назначеніе на должность 1-го оберъ-квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, а 25-го февраля того же года — на должность 1-го генераль-квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, въ каковой должности я прослужилъ до половины марта 1918 года.

Во время моей кратковременной службы въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба тамъ жизнь уже начала замирать, въ особенности въ отдѣлѣ 1-го оберъ-квартирмейстера. Главная забота служащихъ сводилась къ сохраненію богатыхъ матеріаловъ и архивовъ Штаба.

Въ началѣ февраля мнѣ, какъ представителю Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, дважды пришлось присутствовать на совѣщаніяхъ въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства, гдѣ обсуждались вопросы по сокращенію и частичному закрытію нашихъ военныхъ заводовъ и переводу ихъ на выработку сельско-хозяйственныхъ орудій. Большинство членовъ состояло отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, были также представители Военно-Инженернаго Управленія. Передъ сборомъ на совѣщаніе въ В.С.Н.Х. (въ зданіи Министерства Торговли и Промышленности, Тучкова набережная, 2) мы, представители главныхъ военныхъ управленій, собирались на частныя засѣданія въ зданіи Окружнаго Инженернаго Управленія на Инженерной улицѣ, гдѣ между собою вырабатывали тѣ основанія, которыя слѣдовало проводить на совѣщаніи съ большевиками. Въ В.С.Н.Х. предсѣдательствовали отъ правительства „товарищи“ Ларинъ и Смирновъ. Ларинъ производилъ очень непріятное внѣшнее впечатлѣніе, будучи сухорукимъ и полупаралитикомъ, въ обращеніи былъ рѣзокъ и сухъ. Во время этихъ засѣданій мы, военные члены Совѣщанія, считаясь съ возможностью продолженія войны, отстаивали сохраненіе заводовъ, изготовляющихъ орудія и тяжелые снаряды, какъ заводовъ, которые труднѣе оборудовать, и соглашались съ закрытіемъ многочисленныхъ заводовъ, изготовлявшихъ 3 дм. шрапнели. На одномъ изъ этихъ совѣщаній присутствовали отъ морского вѣдомства большевики: матросъ Дыбенко и мичманъ Раскольниковъ. Первый представлялъ изъ себя здороваго красиваго молодого парня, который сказалъ видимо обоснованную рѣчь о фактическомъ состояніи морскихъ артиллерійскихъ средствъ. Мичманъ Раскольниковъ, довольно тшедушнаго вида, несомнѣнный неврастеникъ и истерикъ, страстно возсталъ противъ сокращенія производства 3 дм. снарядовъ. Онъ указывалъ, что во время краснаго наступленія на Финляндію самъ былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго дѣйствія шрапнелей и съ пафосомъ выкрикивалъ, что для поддержанія революціи нужно и впредь изговлять шрапнели. Онъ не представлялъ себѣ, что изготовленныхъ шрапнелей впоследствии съ избыткомъ хватитъ на нѣсколько лѣтъ гражданской войны. Въ общемъ мы временно отстаивали наши крупныя

заводы. Въ той же комиссії срочно вырабатывались правила по сбору и вывозу съ фронта вглубь бросаемаго оружія и нашихъ колоссальныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ запасовъ. Выработанныя нами руководящія основанія въ жизнь провести не удалось, такъ какъ войска слишкомъ быстро стали отходить. Съ назначеніемъ меня на должность 1-го генералъ-квартирмейстера присутствіе мое въ этихъ комиссіяхъ отпало.

2/15 декабря 1917 года было заключено между совѣтскимъ правительствомъ и Германіей перемиріе и начались въ Брестъ-Литовскѣ переговоры о мирѣ. Въ виду недостиженія соглашенія нѣмцы 16 февраля объявили нашему представителю въ Брестъ-Литовскѣ, что съ 12 часовъ дня 5/18 февраля 1918 г. между Германіей и Россіей возобновляется состояніе войны. Въ указанное время нѣмцы фактически начали наступленіе по всему фронту, и уже въ 14 часовъ 18 февраля заняли Двинскъ. Утромъ 19 февраля Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ отправилъ по радіо германскому правительству протестъ и добавилъ: „что видитъ себя вынужденнымъ, при создавшемся положеніи, заявить о своемъ согласіи подписать миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя были предложены делегаціями четвертого союза въ Брестъ-Литовскѣ“. Несмотря на это, нѣмцы продолжали свое наступленіе и вскорѣ заняли Псковъ (24 февраля) и Ревель (25 февраля). Явилась прямая угроза Петрограду.

Въ связи съ возможностью оккупациі Петрограда нѣмцами въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба шли работы по сортировкѣ и разборкѣ цѣнныхъ секретныхъ матеріаловъ Штаба. Часть предположено было уничтожить; часть было рѣшено сохранить въ частныхъ рукахъ и въ нейтральныхъ посольствахъ.

Начавшимся наступленіемъ нѣмцевъ и возможностью захвата ими Петрограда обезпокоился Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Въ связи съ этимъ мнѣ по должности пришлось присутствовать на двухъ совѣщаніяхъ съ представителями власти, о которыхъ хочу сказать нѣсколько подробнѣе.

На первомъ совѣщаніи я, по порученію начальника Генеральнаго Штаба, велъ во время совѣщанія записъ, которую привожу дословно:

„Краткое описаніе совѣщанія у народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ.“

7/20 февраля 1918 года въ зданіи Военнаго министерства, Мойка, 67, въ 14 часовъ дня состоялось совѣщаніе, на которомъ присутствовали:

Комиссаръ по военнымъ дѣламъ—Подвойскій, главковерх—Крыленко, военный комиссаръ—Склянскій.

Отъ Генеральнаго штаба: Отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба: Потаповъ, Каменскій, Гиссеръ, Верцинскій; отъ Военной академіи: Андогскій и Новицкій (Василій); отдѣльно приглашенные: Черемисовъ и Борисовъ; на половину собранія явился Пехлевановъ.

Отъ Морского Вѣдомства: Комиссары Дыбенко, Раскольниковъ, начальникъ Морского Штаба Альтфатеръ и другіе.

По предложенію комиссара Подвойскаго главковерх Крыленко сдѣлалъ общій обзоръ имѣющихся съ фронта свѣдѣній въ связи съ развившимся наступленіемъ нѣмцевъ, указавъ на слѣдующее:

Ревельскій районъ. Нѣтъ никакихъ войсковыхъ частей, способныхъ къ оборонѣ, кромѣ отдѣльныхъ эстонскихъ частей. Батареи на Наргенѣ и Вульфѣ и другія части заявили, что не будутъ драться, пока имъ не докажутъ, что всѣ средства достиженія мира исчерпаны. Арзамасскій полкъ*) требуетъ, чтобы его немедленно отправили въ Россію. Никто ничему не вѣритъ. Краевой совѣтъ не разрѣшаетъ коменданту Измествеву вывозить цѣнное имущество и продовольствіе, согласно полученнымъ изъ Петрограда указаніямъ. Главковерхомъ послано указаніе, подтверждающее власть коменданта и разъясняющее, что миръ не заключенъ.

Въ Гапсалѣ нѣмцевъ пока нѣтъ. Въ случаѣ наступленія нѣмцевъ указано гапсальскому отряду отходить на Ревель, а послѣднему—эвакуацію на Нарву.

Сѣверному и Западному фронтамъ указано въ случаѣ необходимости отходить на линію Нарва-Псковъ-Полоцкъ. Среди солдатъ укоренилось твердое убѣжденіе, что миръ заключенъ и никакого боя не будетъ. Позиція Псковъ-Нарва находится въ такомъ состояніи, что привести ее въ оборонительное состояніе невозможно. Если выслать изъ Петрограда 30-40 тысячъ красногвардейцевъ, то ими можно занять псковскія позиціи только послѣ того, какъ отхлынуть назадъ войска, иначе они вновь присланныхъ увлекутъ за собою. Въ районѣ Пскова мобилизація населенія производится, но послѣднее относится двояко: большая часть—равнодушно, буржуазное — скорѣе даже сочувствуетъ нѣмцамъ. Желѣзнодорожники не повинуются. Количество артиллеріи, которое можетъ быть поставлено на псковскихъ позиціяхъ, выясняется.

*) 118 пѣхотной дивизіи.

Венденъ оставленъ нашими войсками до прихода нѣмцевъ.

На линіи Двинскъ-Псковъ нѣмцы заняли Вышки и Рушоны.

Надъ Рѣжицей съ аэроплановъ разбрасываются прокламаціи, чтобы русскіе уходили изъ Эстляндіи и Лифляндіи и не сопротивлялись.

Представитель польскаго отдѣльнаго революціоннаго дивизіона изъ Валка (желающаго драться съ нѣмцами) сообщилъ, что у нѣмцевъ впереди наступаетъ 5 кавалерійскихъ дивизій; сзади—пѣхота; настроеніе у нѣмцевъ вялое.

На Западномъ фронтѣ нѣмцами заняты: Молодечно, Погорѣльцы (восточнѣ Барановичей), Туча (на линіи Синява-Слуцкъ).

Польскій корпусъ, тѣснимый совѣтскими войсками отъ Рогачева, Могилева и Минска, былъ запертъ въ Бобруйскѣ, имѣя лишь частичный выходъ на Слуцкъ. Сносясь по радіо-телеграфу изъ Бобруйска, поляки вошли въ сношеніе съ нѣмцами. Совѣтскія войска 19 февраля были оттѣснены у Ясеня польскими легіонами и вынуждены отходить къ Минску. Произошло соединеніе нѣмецкихъ и польскихъ войскъ. Телеграфистъ изъ Минска, отказавшійся назвать свою фамилію, передалъ, что Главкозап Мясниковъ не то раненъ, не то арестованъ, что штабъ Западнаго фронта переходитъ въ Смоленскъ, что нѣмецкіе разъѣзды заняли Минскъ, что гражданское управленіе перешло къ бѣлоруссамъ.

На Юго-западномъ фронтѣ замѣчено быстрое продвиженіе нѣмцевъ. Заняты Луцкъ, Дубно и по неprovѣреннымъ свѣдѣніямъ Лунинецъ, Сарны и Ровно. Ожидается дальнѣйшее движеніе нѣмцевъ на Бердичевъ. Украинскія войска и ранѣе были пассивны, а сейчасъ никакого сопротивленія не окажутъ. Линія желѣзной дороги Кіевъ-Жмеринка-Одесса прочно занята совѣтскими войсками Юго-западнаго фронта (Особая, 11 арміи) послѣ вытѣсненія украинцевъ, ушедшихъ къ Житомиру.

НаштаверхБончъ-Бруевичъ предполагаетъ эвакуировать Ставку въ Орель.

Сѣверный фронтъ отходитъ въ извѣстномъ порядкѣ, но относительно Западнаго надо сомнѣваться. Продовольственные запасы Сѣвернаго фронта удовлетворительны, Западнаго фронта, въ особенности въ двухъ арміяхъ, были очень плохи.

Подвойскій. Будетъ ли у насъ партизанская война или позиціонная? Какъ наступаютъ нѣмцы?

Крыленко. По имѣющимся свѣдѣніямъ наступаетъ нѣмецкая кавалерія, подпираемая сзади мелкими отрядами пѣхоты.

Борисовъ. Партизанская война не разовьется и ею ничего нельзя сдѣлать противъ германцевъ.

Подвойскій. Желательно проанализировать движеніе германцевъ.

Борисовъ. Точныхъ свѣдѣній о наступленіи нѣмцевъ нѣтъ. Въ 1915 году были сдѣланы попытки организовать партизанскую войну въ Польшѣ. Она ничего не дала, несмотря на царившую тогда дисциплину и отборъ партизановъ изъ желающихъ и особо смѣлыхъ людей. Партизанская война 1812 года во время наступленія Наполеона, имѣвшего всего двѣ коммуникаціонныя линіи (одна— на Ковно, другая—на Варшаву-Минскъ), и то не имѣла большого реального значенія; надо признать, что эта партизанская война была значительно восхвалена изъ патріотическихъ соображеній. У нѣмцевъ всѣ важные пункты и сооруженія будутъ надежно охраняться; разрушеніе же путей въ тылу никакого дѣйствія не окажетъ, такъ какъ они легко возстановляются. Необходимо въ тылу намѣтить линію, на ней избрать узлы обороны и на нихъ отходить. Мы сейчасъ не въ состояніи остановить наступленіе австрійцевъ, а тѣмъ паче наступленіе нѣмцевъ. Это единственное рѣшеніе, при которомъ можно нѣсколько прикрыть Петроградъ.

Дыбенко. Если мы сконцентрируемъ свои силы къ опредѣленной линіи, то должны къ ней подтянуть всѣ свои силы, и вновь перейдемъ къ позиціонной войнѣ. За недостаткомъ артиллеріи и силъ мы не можемъ все прикрыть. Придется на избранной линіи дать послѣдній бой и уложить остатки силъ. Исходя изъ этого, выгоднѣе вести партизанскую войну. Революціонныя части еще болѣе самоотверженны и могутъ еще энергичнѣе дѣйствовать. Если германскія войска продвинутся до Петрограда и Кіева, то возможна только партизанская война. Резервовъ и артиллеріи у насъ нѣтъ, а потому нельзя давать регулярнаго позиціоннаго боя. Только напрасныя потери. Занимать гдѣ-либо позицію—абсурдъ. Если нѣмцы, скажемъ, сегодня займутъ Петроградъ, то завтра половину изъ нихъ перерѣжемъ. Нѣмцы при наступленіи, не видя сопротивленія и встрѣчая только мирное населеніе, должны разстроить свои войска, революціонно разложиться. Если будутъ наступать вглубь половины Россіи, то развалятся въ 1918 году. Наступленіе нѣмцевъ происходитъ на югѣ. На сѣверѣ они не будутъ наступать, такъ какъ край голодный и нечѣмъ накормить. Примѣръ Риги, гдѣ происходили большія демонстраціи населенія изъ-за невозможности накормить его.

Борисовъ. При настоящемъ бѣдствіи единственный планъ отвести войска въ тылъ, намѣтить извѣстные узлы, гдѣ собрать группы и устроить войска. При нынѣшнихъ громадныхъ арміяхъ и многочисленныхъ путяхъ сообщенія партизанская война наступленія не остановитъ. Что такое революціонная армія? Если она составлена изъ населенія, то жаль людей; если изъ состава арміи, то протестую еще больше, такъ какъ ослабляются остатки арміи.

Новицкій. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Борисова. Партизанская война повлечетъ за собой только грабежъ и мародерство.

Борисовъ. Линія обороны, примѣрно, по соглашенію съ Бончъ-Бруевичемъ, впереди линіи желѣзныхъ дорогъ Нарва-Псковъ-Невель-Витебскъ-Орша - Могилевъ - Жлобинъ - Мозырь-Бердичевъ-Жмеринка-Одесса. На этой линіи центры обороны подготавливались еще въ 1915 и 1916 г.г. Партизанская война легко подавляется системой возмездія и это приводитъ къ одному кровопролитію. Всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ распределяются въ смыслѣ охраны и отвѣтственности между сосѣдними деревнями. Въ 1870 году французы сформировали для этого особые отряды франки-роверъ, которые ничего не сдѣлали.

Новицкій. Надо рѣшить—оказывать сопротивленіе или нѣтъ. Если сопротивляться, то гдѣ-нибудь придется драться и безъ крови не обойтись. Если лишь желать сохранить людей, тогда нельзя оказывать сопротивленія. Или война, или миръ. Пріемы войны извѣстны и одинаковы во всемъ мірѣ.

Дыбенко. Нельзя примѣнять методы войны, выработанные для регулярныхъ войскъ. Революціонное настроеніе проникаетъ въ германскія войска и германскіе офицеры не могутъ быть увѣрены въ своихъ войскахъ. Варварскій методъ сжиганія деревень въ возмездіе не имѣетъ устрашающаго значенія для убѣжденныхъ революціонныхъ войскъ. Въ Петроградѣ 1000 убѣжденныхъ революціонныхъ лицъ могутъ терроризировать германскій гарнизонъ, который будетъ не болѣе 10-15 тысячъ человекъ. На русскаго солдата рассчитывать нельзя, даже на такихъ отличныхъ солдатъ, какъ казаки (примѣръ—наступленіе Краснова на Петроградъ). Въ гражданской войнѣ совсѣмъ другой методъ веденія. Во флотѣ въ виду толстаго льда можно отвести къ Кронштадту только дредноуты и часть крупныхъ судовъ.

Подвойскій. Сколько надо сосредоточить силъ къ центрамъ обороны, чтобы на нихъ оказать сопротивление? Желательно опредѣлить силу нѣмецкаго наступленія и приблизительно силы, необходимыя намъ для сопротивленія на узлахъ.

Борисовъ. Этого сдѣлать нельзя и эти расчеты совершенно безцѣльны.

Подвойскій. Это можетъ имѣть реальное значеніе для составленія соображеній по продовольствію.

Потаповъ. У нѣмцевъ имѣется по даннымъ развѣдки: на Сѣверномъ фронтѣ—9-12 пѣхотныхъ дивизій и 5-6 кавалерійскихъ дивизій; на Западномъ фронтѣ—12-20 пѣхотныхъ дивизій и 2-1½ кавалерійскихъ дивизій; на Юго-западномъ фронтѣ—германскихъ—13-26 пѣхотныхъ и 3-4 кавалерійскихъ дивизій, австрійскихъ — 7-8 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизій. Намѣтивъ въ тылу линію сосредоточенія, надо ввести отступленіе въ русло и устроить вновь войска. Одновременно желательно организовать партизанскую войну, базируясь на узловыя пункты обороны. Соображеніе истрепать послѣднія силы на этихъ рубежахъ отпадаетъ, такъ какъ узлы обороны можно своевременно перенести дальше въ тылъ. Численность войскъ на узлахъ обороны впередъ установить нельзя. Составъ и сила войскъ крайне разнообразны. Есть роты въ 12 штыковъ при средней ихъ численности въ 35-42 штыка. Мѣстами совсѣмъ нѣтъ войскъ, въ другихъ—они болѣе сохранились. Слѣдуетъ дать общія указанія для отхода. Соединить оборону съ партизанской войной. Точныхъ данныхъ о силахъ установить нельзя.

Подвойскій. До нѣкоторой степени силу наступающихъ войскъ можно опредѣлить по состоянію дорогъ.

Новицкій. Это невозможно. По хорошей дорогѣ можетъ одновременно пройти очень много войскъ. Послѣ рижскихъ боевъ по Псковскому шоссе одновременно двигалась вся 12 армія.

Крыленко, выходящій между къ прямому проводу. Очень быстро прочиталъ разговоръ по прямому проводу съ Бончъ-Бруевичемъ въ Могилевъ. Изъ этого разговора выяснилось, что разногласій въ отходѣ на вышеуказанную линію нѣтъ. Далѣе, что связь съ Минскомъ прервана. Ставка предполагаетъ переходить въ Орелъ, налаживая туда всю связь. Штабъ Западнаго фронта переходитъ въ Смоленскъ. Бончъ-Бруевичъ проситъ прислать отвѣтственныхъ и подготовленныхъ начальниковъ. Во-

прось о вызовѣ оперативнаго отдѣленія Ставки въ Петроградъ остался открытымъ.

Новицкій возражаетъ противъ отдѣленія одного оперативнаго отдѣленія въ Петроградъ. Если переводить, то всю Ставку.

Борисовъ. Такъ какъ Бончъ-Бруевичу, по условіямъ времени, не можетъ быть предоставлена полная мощь въ управленіи войсками, то необходимо его и оперативное отдѣленіе перевести въ Петроградъ.

Верцинскій. Въ виду возможности захвата Петрограда нѣмцами и нахождения его за крайнимъ флангомъ, казалось бы правильнѣе перевести Ставку въ Орель, выдѣливъ въ Петроградъ лишь необходимыя ея части съ Наштаверхом для связи съ правительствомъ.

Альтфатеръ. Ставка обязательно должна находиться при правительствѣ. Въ случаѣ отъѣзда послѣдняго изъ Петрограда неизвѣстно будетъ ли она въ Орлѣ.

Крыленко. Бончъ-Бруевичъ давно стремится Ставку перенести въ Орель. Въ Петроградѣ будемъ драться при всѣхъ условіяхъ. Политическія соображенія этого требуютъ.

Альтфатеръ. Въ восточной части Финскаго залива за Гогландомъ сплошной толстый ледъ, который въ состояніи пройти только большія суда. Между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ сообщеніе есть. Въ случаѣ вынужденнаго отхода флота, въ виду безнадёжности обороны Ревеля съ суши, удастся перейти въ Кронштадтъ 4 дредноутамъ и можетъ быть части крейсеровъ. Вся мелочь можетъ быть заблокирована въ Гельсингфорсѣ, гдѣ должна остаться. Ледяной покровъ прикроетъ Петроградъ еще 1¹/₂ мѣсяца.

Крыленко окончательно принимаетъ: Отходъ арміи на линію Нарва-Псковъ-Жлобинъ-Бердичевъ-Одесса и перенесеніе оперативнаго отдѣла Ставки съ Наштаверхомъ въ Петроградъ. Далѣе обсуждается вопросъ о вызовѣ въ армію начальниковъ и контроля надъ ними совдеп'овъ. Комендантъ Ревельской крѣпости Измествевъ доноситъ, что ему не довѣряютъ. Для авторитетности распоряженій необходимо, чтобы они были согласованы съ совдеп'ами и не вызывали сомнѣній.

Подвойскій указываетъ, что у совѣтской власти существуетъ довѣріе къ военнымъ начальникамъ. Что за начальниками надо сохранить оперативную часть, а за совдеп'ами—военно-политическую. Соглашается въ

неясности и трудности этого дѣленія и необходимости изданія по этому поводу особаго регламента.

Альтфатеръ находитъ необходимымъ при каждомъ начальникѣ имѣть особо уполномоченнаго комиссара, такъ какъ легче столковаться съ однимъ человѣкомъ, чѣмъ съ коллегией.

Потаповъ указываетъ, что начальники имѣются въ резервѣ чиновъ при фронтахъ.

Въ общемъ вопросъ о назначеніи начальниковъ, раздѣленіи ихъ власти и согласованіи ихъ дѣйствій съ совдеп'ами остался открытымъ.

7/20 февраля, 1918 г.

Э. Верцинскій“.

На подлинномъ имѣется заключеніе помощника начальника Генеральнаго Штаба: „Прекрасно. Вполнѣ и всецѣло подписываюсь“.

М. Каменскій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ собранія 7/20 февраля было назначено новое совѣщаніе у комиссара по военнымъ дѣламъ Подвойскаго въ связи съ занятіемъ нѣмцами Пскова и угрозой ихъ наступленія на Петроградъ. На это совѣщаніе были приглашены генералы: Борисовъ, Черемисовъ, Новицкій (Василій), Балтійскій и отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба былъ командированъ я.

По распоряженію Начальника Генеральнаго Штаба, вызванные на совѣщаніе члены были предварительно собраны въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба. При обсужденіи вопроса о защитѣ Петрограда всѣми ясно сознавалось, что серьезно защищать его противъ наступленія нѣмецкихъ регулярныхъ войскъ—нельзя. Слишкомъ великъ былъ развалъ въ нашей арміи и въ управленіи страной установился полный хаосъ. Въ то же время было отмѣчено слѣдующее: если признать безнадежность защиты столицы, то правительство можетъ покинуть Петроградъ, а въ связи съ этимъ перестать кормить его, что имѣло первостепенное значеніе; если же рекомендовать настойчиво обороняться, то большевики могутъ выслать въ зимнюю стужу нѣсколько десятковъ тысячъ жителей Петрограда на безцѣльныя инженерныя работы по укрѣпленію заранее обреченной и во время войны частично подготовленной позиціи на линіи Петергофъ-Высоцкое-Гатчина. Въ виду этого было рѣшено придерживаться неопредѣленнаго мнѣнія и воздержаться отъ категорическихъ утвержденій.

Прибывъ въ зданіе Военнаго министерства, Мойка, 67, мы нѣкоторое время оставались одни. Затѣмъ появился главковерх Крыленко и съ грубой, плоской бранью сталъ поносить поляковъ за измѣну Польскаго корпуса. Вскорѣ прибылъ Подвойскій. Извинившись за свое опозданіе, онъ неожиданно для насъ позвонилъ къ Ленину и спросилъ его, не желаетъ ли онъ выслушать мнѣніе военныхъ авторитетовъ. По полученіи положительнаго отвѣта, насъ всѣхъ повезли на автомобиляхъ въ Смольный. Подвойскій по пріѣздѣ получилъ для насъ пропуска, по провѣркѣ послѣднихъ, мы поднялись въ верхній этажъ, гдѣ насъ ввели въ круглую комнату. У одной изъ дверей ея стояли парные часовые. Это была дверь въ кабинетъ Ленина, куда насъ вскорѣ пригласили. Мы вошли въ небольшую комнату, треть которой (одинъ уголь) была отдѣлена деревянной перегородкой. Въ углу противъ входныхъ дверей стоялъ громадный желѣзный сундукъ съ какими-то печатями. Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ большевики, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, наконецъ захватили часть золотого запаса государственнаго банка, то у меня невольно мелькнула мысль, не охраняетъ ли здѣсь самъ Ленинъ это золото. Ленинъ всѣхъ очень любезно встрѣтилъ и просилъ сѣсть къ небольшому столу, приставленному къ стѣнѣ. Можетъ быть это даже былъ раскрытый карточный столъ, во всякомъ случаѣ примѣрно такихъ размѣровъ. Кромѣ этого стола, вѣнскихъ стульевъ и упомянутаго сундука другой мебели въ комнатѣ не было. Вслѣдъ за нами стали входить въ комнату человекъ 15 большевиковъ. Помимо Ленина, Подвойскаго и Крыленко я уловилъ фамиліи Троцкаго, Зиновьева, Сталина. Ленинъ сидѣлъ съ нами за столомъ, на которомъ была разложена карта; всѣ остальные стояли кругомъ. Ранѣе начала засѣданія Ленинъ нѣсколько разъ оглядывался и дважды спросилъ, тутъ ли Троцкій, и только убѣдившись въ его наличности, приступилъ къ открытію совѣщанія. Насколько помню началось съ доклада главковерха Крыленко. Изъ военныхъ представителей преимущественно выступали генералы Борисовъ и Новицкій, при чемъ указывалось, что въ случаѣ наступленія нѣмцевъ на Петроградъ они одновременно непременно продвинутся въ направленіи отъ Пскова на Дно—Бологое, чтобы перерѣзать Николаевскую желѣзную дорогу и нарушить связь съ Москвой.

Крыленко, говоря о наступленіи нѣмцевъ, указалъ, что они наступаютъ конницей, подпираемой небольшими частями пѣхоты, частично пе-

ревозимой на автомобиляхъ и самокатахъ, и что артиллеріи у нѣмцевъ нѣтъ. На замѣчаніе военныхъ экспертовъ, что нѣмцы несомнѣнно наступаютъ и съ артиллеріей, Крыленко сталъ настаивать, что у нѣмцевъ нѣтъ артиллеріи, такъ какъ они нигдѣ не открывали артиллерійскаго огня. Военные эксперты указали, что артиллерія несомнѣнно движется за передовыми отрядами нѣмцевъ, но что они не открывали артиллерійскаго огня, такъ какъ наши войска отходили, не оказывая серьезнаго сопротивления. Ленинъ сейчасъ же согласился съ этимъ и сказалъ, что конечно нѣмцамъ не было надобности открывать артиллерійскаго огня. Далѣе было высказано, что дальнѣйшее наступленіе нѣмцевъ вѣроятнѣе всего произойдетъ вдоль линіи желѣзныхъ дорогъ. Изъ вопросовъ Троцкаго и Крыленко стало ясно, что они поняли это буквально, какъ движеніе войскъ вдоль полотна желѣзной дороги по рельсамъ. Троцкій спрашивалъ, съ какой скоростью это движеніе можетъ совершаться, видимо допуская наступленіе прямо на поѣздахъ. Отсюда видно, насколько главковерх Крыленко и будущій народный комиссаръ по военнымъ дѣламъ Троцкій были въ то время не свѣдуши въ военныхъ вопросахъ.

По выясненію подробностей отхода нашихъ войскъ безъ всякаго противодѣйствія и общихъ условій обороны Ленинъ увѣренно высказался, что серьезная борьба съ нѣмцами намъ невозможна. Было рѣшено на путяхъ отхода образовывать узлы сопротивления, гдѣ собирать и устраивать отходящія войска.

Крыленко или Подвойскимъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости командированія на намѣчаемые узлы сопротивления особыхъ ответственныхъ начальниковъ для остановки отходящихъ войскъ. Военные эксперты указали, что среди отступающихъ войскъ имѣется достаточное количество компетентныхъ начальниковъ и что посылка новыхъ командныхъ лицъ внесетъ лишь еще больше путаницы. вмѣстѣ съ тѣмъ было подчеркнуто, что солдаты, которымъ ежедневно твердятъ, что всѣ офицеры помѣщики и контръ-революціонеры, не желаютъ больше слушать своихъ начальниковъ и вышли изъ повиновенія имъ. Необходимо прекратить систематическую травлю офицеровъ. При послѣднемъ указаніи Ленинъ сталъ улыбаться, сказалъ, что они потребуютъ отъ солдатъ исполненія боевыхъ приказовъ, и тутъ же нѣсколько разъ повторилъ распоряженіе о немедленной отправкѣ на фронтъ возможно большаго числа агитаторовъ для остановки отходящихъ войскъ.

Ленинъ, какъ я говорилъ, былъ очень любезенъ, прося садиться, придвигалъ стулья и вообще старался быть внимательнымъ. Онъ извинялся передъ нѣсколькими членами совѣщанія, какъ генералы Черемисовъ и, кажется, Новицкій, что имъ пришлось нѣкоторое время быть арестованными. Видъ онъ имѣлъ добродушнаго мѣщанина или торговца средней руки. Одѣтъ былъ въ скромную потертую пиджачную пару съ цѣпочкой отъ часовъ, выпущенной черезъ жилетъ. Говорилъ скоро; рѣзко и нервно поворачивалъ свою лысую голову. Онъ быстро приходилъ къ принципиальнымъ рѣшеніямъ вопросовъ и несомнѣнно доминировалъ надъ остальными. Троцкій производилъ крайне непріятное внѣшнее впечатлѣніе, благодаря своему прижтому къ лицу носу; небольшая заостренная бородка придавала ему нѣсколько мефистофельскій видъ; онъ имѣлъ ярко выраженный еврейскій обликъ. Зиновьевъ за все время ни одного слова не проронилъ; его бритое лицо съ высокимъ лбомъ и взъерошенными волосами казалось умнымъ; еврейское происхожденіе въ немъ не такъ рѣзко бросалось въ глаза. Сталинъ былъ небольшого роста съ типичнымъ кавказскимъ лицомъ. Крыленко—маленькій, толстенкій, въ защитномъ обмундированіи, съ небрежно надѣтымъ и неуклюже висящимъ боевымъ снаряженіемъ, со своей грубой и рѣзкой манерой разговаривать производилъ отталкивающее впечатлѣніе. Подвойскій выдѣлялся своей любезностью, внѣшней предупредительностью и обходительной рѣчью; въ немъ была особая вѣжливость, почти услужливость мелкаго чиновника.

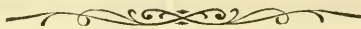
Въ общемъ все совѣщаніе, врядъ ли продолжавшееся болѣе часа, оставило по себѣ гнетущее впечатлѣніе.

Выше я говорилъ, что большевики мало вмѣшивались въ службу Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Бывшаго у насъ комиссара я почти не видалъ. Зато комитетъ при Штабѣ сталъ понемногу вмѣшиваться въ разныя мелочи жизненныя и служебныя. Въ срединѣ марта, когда уже была рѣшена эвакуація Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба въ Москву, а въ связи съ этимъ шло сокращеніе штатовъ и служебное перемѣщеніе разныхъ лицъ, то комитетъ сталъ усиленно помогать для своихъ ставленниковъ освобождавшихся должностей секретарей при дѣлопроизводствахъ 1-го генераль-квартирмейстера и 1-го оберъ-квартирмейстера. На этихъ должностяхъ имъ, конечно, было удобнѣе слѣдить и шпионить за всѣмъ дѣлопроизводствомъ. По разнымъ мотивамъ, какъ недостатокъ специальныхъ знаній, незнакомство съ иностранными

языками и т. п., я имъ категорически въ этомъ отказывалъ. Предсѣдатель комитета, изъ писарей, былъ довольно назойливъ и однажды явился ко мнѣ въ кабинетъ безъ доклада въ то время, когда у меня былъ по дѣлу кто-то изъ офицеровъ генеральнаго штаба, за что и былъ мною выставленъ. Впослѣдствіи онъ жаловался помощнику начальника Генеральнаго Штаба генералу Каменскому, что его ни разу никто и въ дореволюціонное время такъ не отчиталъ.

Въ половинѣ марта 1918 года окончательно опредѣлилась эвакуація Штаба въ Москву. Къ этому времени служба въ создавшихся условіяхъ мнѣ такъ опротивѣла, что, несмотря на отсутствіе всякихъ средствъ къ жизни, я рѣшилъ подать въ отставку. Начальникъ Генеральнаго Штаба предложилъ и уговорилъ меня остаться въ его распоряженіи, не стѣсняя меня переѣздомъ въ Москву. Въ виду этого я временно продолжалъ числиться въ распоряженіи Начальника Генеральнаго Штаба. Къ Благовѣщенію я переѣхалъ на частную квартиру, а 1 мая совмѣстно съ другими открылъ въ Петроградѣ табачную лавочку. 13 іюля 1918 года, по моей настойчивой просьбѣ, я былъ уволенъ по болѣзни въ отставку. Лѣтомъ 1918 года я еще получилъ нѣсколько предложеній о поступленіи на службу, отъ которыхъ по болѣзни отказался, а затѣмъ обо мнѣ благополучно забыли.

Э. А. Верцинскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Начало революціи	5
Штабъ 18-го армейскаго корпуса	13
Штабъ 8-й арміи генерала Корнилова	18
Командованіе Гвардейской стрѣлковой дивизіей	28
Служба въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба . .	47

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

ТОГО ЖЕ АВТ

- 1) Усиленная развѣдка частей 1-го Сибирскаго
долинѣ рѣки Сидалихэ 14/15 августа 190
Распродано.
- 2) Современная война, переводъ съ нѣмецкаго, и
- 3) Постановка стратегическо-тактическихъ заня
корпусѣ, изданіе 1911 года. Распродано.
- 4) Современная война, переводъ съ нѣмецкаго,
Распродано.
- 5) Годъ революціи. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба, изданіе
1929 года.

DK265.7
.V47
1929

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Esthonie — Eesti, Tallinn, S. Tartu mnt., 57, krt. 2.

E. WERZINSKY.

